Я - мемуарю!

Яков Иванов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Привет друзьям-студентам 80-х годов!

- ЯКОВ ИВАНОВ.
- Привет друзьям-студентам 80-х годов!
- ВВЕДЕНИЕ:
- МАЛЕНЬКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ ПО ТЕМЕ:
- - Да!
- КОЛХОЗНАЯ ЭПОПЕЯ.
- Давай сначала плохую, а потом хорошую. Поначалу немного опечалимся, а затем возрадуемся. Слава мудрому богу Маниту!
- МАЛЕНЬКОЕ ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ ОБ АЛКОГОЛЕ.
- ГИППОКРАТИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ПРОЦЕССА ЛЕЧЕНИЯ.
- СПРАВКА.
- УЧЕБА, ПРЕПОДАВАТЕЛИ И МЫ.
- ЭКЗАМЕНЫ. РАЗНОВИДНОСТИ И ТЕОРИИ.
- НЕБОЛЬШОЙ РАССКАЗ О БОДИБИЛДИНГЕ.
- ПОЕЗДКИ ВО ЛЬВОВ. КОММЕРЧЕСКАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ.
- - Русины або пуляки? - спросила бабка, что-то прокумекав в уме насчет валюты.
- РАЗВЛЕЧЕНИЯ.
- Есть фильмы
- *
- *
- ГЛУПЫЕ ПЕСЕНКИ О ЛЮБВИ.
- ВОЕННАЯ КАФЕДРА.
- ПРАКТИКИ И ДИПЛОМИРОВАНИЕ.
- С В Е Р Ш И Л О С Ь!

ЯКОВ ИВАНОВ.

«Я - МЕМУАРЮ!» © 1993 г.
Посвящается, тем счатливым пяти годам,
которые безвозмездно дарит нам ALMA MATER !
(*автор*)

Привет друзьям-студентам 80-х годов!

Конечно же, все что я написал в этой книжке, несет в себе определенный процент приукрашивания и печать ностальгии. Но не той ностальгии по дешевой водке и бананам, а по тем временам, когда я был молод, лохмат и горд за СССР. Со мной, я надеюсь, согласятся мои друзья в том, что учась в институте с 1982 по 1987 год мы не чувствовали внутреннего дискомфорта, а ощущали лишь внешнее давление соцсистемы. Но все это считалось обычным, не стоившим внимания, моментом жития.

Пять лет пролетело светлым облаком!

Был кайф и был лайф!

Да! Мы перебухали море бухлб и гуляли, как кони из упряжки Добрыни Никитича. Мы пинали воздух и собирали камни, чтобы в будущем бить грязные стекла Мира. Наш «борзометр» не зашкаливал. Нет! - стрелка прибора четко стояла на отметке «борзо»! От нас никогда не пахло деньгами, и лишь изредка благоухало импортным одеколоном «О'жен». Нам, в корне, была по-фигу любимая нагрудная (наградная) бижутерия Леонида Ильича, но мы ох…евали от, приклепанных к ядреной дамской заднице, джинсовых лейблов. От «вакуума» знаний стенки наших портфелей слипались друг с другом, но… советско-днепропетровские ракеты все равно долетали до «коровы из штата Айова». Мы были не из тех, - кто любит кататься, но и не из тех, - кто любит саночки возить.

Конечно же не все влезло на эти страницы, не обо всех удалось поведать. Ну уж не обессудьте, я не Лев Толстой и писать литературные тома не обучен. А может, настал склероз? Тогда следует подлечиться - коньячку попить!

Эх, жаль! Ушли те времена, когда все наши провалы и неудачи мы связывали с трюками предвыборных компаний Никсона, Картера и Рейгана. Увы, мне нечем крыть, если книжка получилась не очень-то занимательной. Но решать это не мне. Что ж, вот пожалуй и все о чем я хотел сказать.

Кто мы есть сейчас? Я не знаю. Время не протирает моих запотевших розовых очков…

Дай Бог счастья и здоровья Вам и Вашим детям!

Яша Иванов (студент-теплоэнергетик ДметИ, сезона 1982-87 гг.)

Писалось: май 1992 - июль 1993 г.

ВВЕДЕНИЕ:

1982 год. Умер Л.И.Брежнев. К власти пришел тов. Андропов. Резко похолодало. В воздухе пахло грозой и тормозной жидкостью. Стали резко закручивать гайки, выдавливая из народа остатки свободы и справедливости. (Таким введением впору начинать писание какого-нибудь Манифеста.)

Застрельщиком всего нового и передового у нас в вузе всегда был комитет ВЛКСМ. Вот и тогда в начале нового 1983 года они придумали: ***«Совершать рейды по общежитиям, в целях искоренения буржуазной идеологии в комнатах советских студентов»*** (конец цитаты).

* * *

В 20 часов вечера простой советский студент первого курса специальности ПТЭ-82-1 Иванов Яша (это я), отведав очень популярного в нашей общаге «пакетного супа харчо» блаженно валялся на койке. Меня не волновали, в данный момент, никакие проблемы и я внимательно прислушивался к равномерному гудению желудка, разщепляющего пищу на атомы.

Неожиданно мой кайф был прерван интеллигентным стуком в дверь. Обычно, опасаясь налетов студсоветов, я замок не открывал, а лежал себе на постели и тыкал кукиши в сторону закрытых дверей. Но сегодня стучали как-то необычно, несколько филигранно. Я не мог не открыть. Какая-то неведомая сила, как гигантский магнит, потянула меня к двери… Но как только я откинул щеколду, так в мою комнату буквально вломились три парня и одна комсомолка. Сложившаяся, на мгновение, немая сцена напоминала монументальное полотно народного корякского художника Арона Левинсона «Провал явки германского шпиона». Очарование, охватившее было меня после стука в дверь, спало. В комнате начинался банальнейший шмон и, судя по сноровке, ребята из комитета имели и способности и вдохновение. Каждая «криминальная» находка сопровождалась радостными воплями, сравнимыми разве что с сексуальными криками зеленых мартышек. Что же вызывало такой бурный восторг у Больших Членов ВЛКСМ? А вот что:

Я коллекционировал картонные лейблы от джинсов. И пытаясь, хоть как-нибудь украсить свой быт, наклеивал их на

стены. Было очень красиво. Но вот надо же, среди множества «WRANGLER», «SUPER RIFLE» и прочих китов джинсовой индустрии, глазастая комсомолка высмотрела таки этикетку фирмы «MONTANA», которая представляла из себя картонку голубого цвета с изображением лысого орла, в обрамлении из 56-ти флагов всевозможных стран. Среди них, естественно, присутствовал и символ дядюшки Сэма.

«Американский флаг в комнате советского студента!» - раз пятнадцать повторила она, демонстрируя комиссии свою находку. Видимо, это как-то шло ей в зачет, за бдительность. Кстати, этой комсомолке надо отдать должное, - засечь флаг размером 2 х 3 мм, дело не простое. Хотя может быть это всего лишь рефлекс.

ДЛЯ СПРАВОК: **Через три флага после американского распологался советский, но этого уже никто, почему-то, не замечал.**

Следующей реквизированной вещью оказалась колода игральных карт. Кстати, один из ребят все время вертел в руках фотокамеру типа «ФЭД-5» изыскивал, значит, нужный ракурс. Он разбросал по столу карты и, предложив взять мне пару штук в руки, стал устанавливать на объективе выдержку и настраивать фокус.

Я скромно отказался, сославшись на плохое самочувствие, и еще на то, что это не игральная, а гадальная колода. Тут я спохватился, но было уже поздно. Атеизм был в моде и всякие оккультные действа, типа предсказания будущего, жестоко преследовались. От этого моего ляпсуса у комитетчиков потекли слюни, в предвкушении краткой, но справедливой расплаты, почти такой же, как в запрещенных фильмах про каратэ.

А в это время, прилежный мальчик по имени Витя рылся в моих магнитофонных лентах, пристально изучая надписи на коробках. Он ткнул мне в лицо официальный список запрещенных групп и певцов и конфисковал у меня несколько подозрительных бобин. Затем он включил магнитофон. Меня прошиб холодный пот, - из двух стереоколонок понеслась французкая секс-музыка (да, да! та самая с привздыханиями, чмоканьем и ерзанием по кровати). Не знаю встало ли там что-нибудь у рьяных последователей Павки Корчагина, а вот комсомолочка взбодрилась, глаза ее увлажнились, либидо забурлило - она резким движением поправила лифчик и… категорично изьяла магнитную ленту в свою пользу.

МАЛЕНЬКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ ПО ТЕМЕ:

Пусть читатель не думает, что я использую такие литературные приемы как: гипербола, парабола, преувеличение, маразм и оргазм. Все, что здесь изображено, писано с натуры. А если у кого-то есть сомнения, то Бог ему судья. Но в то время все это не казалось мне смешным и абсурдным. За рекламный снимок, изображающий женские ножки в чулках ГДР-вской фирмы «ELGA», один мой приятель чуть было не вылетел из института, - порнография, знаете ли…

Продолжим далее мой сказ. Для изучения радиоаппаратуры, находящейся в комнате (а именно - магнитофона «Сатурн - 210», приемника «ВЭФ» и телевизора «Электроника») был официально приглашен, стоящий за дверью агент КГБ. Им оказался, (кто б вы думали?!) главный завхоз института Митрофанович (во, где кадры куются), более известный в студенческих кругах под кличкой «Миклован». Да, из этой погремухи сразу же можно понять: «ХУ есть КТО!»

Миклован, спрыгнув с тачанки, сходу погрузился в дотошное изучение моего магнитофона. По его резким телодвижениям, я понял, что он ничего не смыслит в радио, хотя чувствовалось, что когда-то в далеком детстве, они собирали всем кружком детекторный приемник в подвале ОСОВИАХИМа. Этот вывод я сделал исходя из того, что иногда в его бессвязное бормотание врывались такие слова, как «антенна», «ТАСС», «анод-катод» и «штеккер». А такие сложные термины так просто в головах не оседают. Нужно не один раз с парашютной вышки сигануть, чтобы их запомнить наизусть.

Мысленно Митрофанович, наверно, чертыхал и материл себя за то, что забыл дома свои любимые инструменты, - зубило и кувалду. Без них аппаратура поддавалась изучению плохо.

Включив и выключив телевизор, агент КГБ вдруг резко повернулся ко мне и спросил ледяным голосом: «Радиостанции «Голос Америки» и «Свободная Европа» слушаешь? Как ты выходишь на связь с «Би-би-си»?» И не дождавшись ответа, что-то нацарапал карандашом в своем блокноте. Затем он, с вожделением, посмотрел на, так и не отломанную антенну радиоприемника «ВЭФ» и, сопя волосатыми носовыми соплами удалился. Весь его внешний вид показывал, что этот обыск ему не понравился. Ну, что же это за шмон, - без вспарывания подушек,

простукивания подоконников и лупцевания по почкам постояльцев? Э-эх!

Тем временем пружина событий раскручивалась, танки Гудериана медленно и уверенно занимали свои позиции.

Проявив завидную бдительность один из партайгеноссе выкатил из-под моей кровати штангу и две наборные гантели. Представляете, что это могло значить в «эру Рембо - злобного, человеконенавистнического порождения Голливуда»? Справедливости ради отмечу, что никто тогда этих фильмов не видел, но дружная, и постоянно выдающая на-гора просьбы масса трудящихся, требовала остановить разгул секса и насилия на экранах всего мира.

Не знаю, как там во всем мире, а у нас за просмотр фильмов «сомнительного» содержания, брали и надолго сажали владельцев, опрометчиво зарегестрировавших в милиции свои видеомагнитофоны.

Но это так, к слову.

Оглядев мою статную фигуру, комсомольский актив выдвинул следующий перечень обвинений:

1. Иванов Я.А. бросает с размаху штангу на пол и тем самым портит соц.собственность.

2. На Иванова Я.А. постоянно поступают во всевозможные инстанции жалобы от соседей снизу, т.к. осыпается потолок.

3. Иванов Я.А. занимается культуризмом, явлением чуждым нашему, и так здоровому обществу.

Я молча снял ковровую дорожку, под которой блестел девственно чистый и гладкий пол, затем широким жестом отворил окно, - там, внизу шумел разноголосый проспект Гагарина. Пели птицы. Какой-то голодный студент вышел из-под арки и направил свои стопы в столовую с романтичным названием «Язва».

Прямо над аркой, из окна комнаты N 436 пятого общежития ДМетИ виднелось пять лиц. Причем, у четверых из них глаза медленно наливались смыслом жизни, а одно лицо ликовало.

Но радость моя была не долгой - пункт обвинения за № 3 мне крыть было нечем. Победа оказалось Пирровой. В итоге, мне велели явиться через два дня на «Суд комсомольской чести». Отдав это распоряжение они, с видом людей полностью исполнивших свой долг, покинули поле боя.

Раздался стук в соседнюю дверь… и долго еще в ночи слышались возбужденные голоса «изкоренителей буржуазной морали».

Я устало спустился на койку и огляделся вокруг. Зрелище, открывшееся моему взору, представляло собой панораму саванны,

после любовных игр носорогов. Недремлющее око и бдительный палец Младшего брата КПСС, не добрался только лишь до моей задницы и кастрюли с картошкой, стоящей на столе. Хм, по иронии судьбы, сорт этого вареного картофеля назывался «американка».

Через два дня, надев чистую нательную рубаху и выпросив, на время у соседа значок члена ВЛКСМ, я предстал перед грозными очами контролеров моей комсомольской чести. И хотя список приглашенных на эту разборку был непомерно велик, - пришло всего лишь четыре человека. Кроме меня там присутствовали:

парень, у которого нашли в комнате пустую бутылку из-под «Водки столичной»;

девушка, которая безумно обожала секс, но при этом забыла закрыть на замок дверь;

и бесцветная личность мужского пола, которая прохавав что к чему, так, знаете ли, боком-боком и смылась за дверь. Этот последний оказался прозорливым малым, ему бы в разведке поваром работать.

ДЛЯ СПРАВОК: **Из тех 20-ти человек, которые после рейда по общаге, попали в черный список, реально пострадали лишь трое. Да, да только я, парень и девка (жаль позабыл их фамилии), как пустоголовые бараны приперлись на это дружеское аутодафе. Об остальных 17-ти студентах никто даже не вспомнил.**

Я был готов отвечать по любым вопросам, касаемо результатов обхода комиссии. Но хитрость комитета ВЛКСМ превзошла на несколько порядков, хитрость диких индейцев из племени гуронов с берегов славного озера Онтарио. Мне был задан коварнейший вопрос: «Почему ты игнорируешь комсомольское поручение и по вторникам и четвергам не ходишь петь в институтский хор?»

Сейчас немного проясню ситуацию.

За пару недели до известных вам событий, в институте появилось объявление, призывающее студенчество проявлять свои таланты и способности. А в частности предлагалось записываться в ВИА, хор, танцевальный кружок и т.д. Прослушивание намечалось в конференц-зале на 18 часов.

Я, возомнив себя нарождающейся рок-звездой поломился на это шоу. Собралось человек тридцать. Каждому по очереди давали гитару и просили что-нибудь спеть. Разноголосо лилось в зал - «Яростный стройотряд», «Русское поле», «За полчаса до весны». Мне же пришла в голову отличная мысль, спеть песню про золотую муху. Смысл следующий: "у золотого насекомого от

головы до члена все золотое, только вот незадача, - любит очень уж эта муха на какашках понежиться. "У определенного контингента присутствующих песенка имела успех. После слушаний нас, всем гамузом, пригласили к роялю и попросили подпевать клавишам. Закончив эту унизительную процедуру, представительный мужчина (видимо глава отборочной комиссии) сказал, что те, кто прошел на вокально-инструментальный ансамбль узнают об этом через два дня, и тут же последовало предложение записываться на хоровое пение, - зал мгновенно опустел…

И вот теперь меня обвиняли в том, чего я не совершал. Реляция звучала примерно так: «Ты записался на хор! И ты должен туда ходить!»

Господа хорошие, да не записывался я на хоровое пение и вовсе не собираюсь петь народные песни. В ответ мне сунули в лицо бумагу с фамилиями студентов, приходивших прослушиваться на запись ВИА, однако в нижней части списка стояла чья-то резолюция: «На хор!»

Видя, что мои потуги как-то объяснить этим балбесам ни к чему не приведут, я решил говорить иносказательно. Думаю, вот как детям, возьму и расскажу им притчу: «Бежала голодная собака, видит лежит кусок мяса, она слопала его, а мясо-то оказалось отравленным. Ну как, теперь вы поняли?»

Когда после этого, самый главный из них строго спросил, что я этим хотел сказать, мне стало ясно - мои шансы победить в этом матче равны нулю.

- Будешь петь?

- Нет!

- А известно ли тебе, о неблагодарный сын Отечества, что ты учишься в институте имени Генерального секретаря ЦК КПСС, многократного Героя Советского Союза, лауреата Ленинских и государственных премий в области литературы, маршала СССР, борца за мир, солидарность и разоружение, дорогова и любимого Леонида Ильича Брежнева? (Интересно помнит ли главарь комсомольцев эту свою великоподданническую тираду?)

- Да!

- Так вот! Мы выгоним тебя от сюда, за не выполнение комсомольского поручения!

Я, честно говоря, сдрейфил, но благородные комсомольцы оставили мне последнюю лазейку:

- Ну, так что, хочешь петь в нашем хоре?

- Конечно же, какие могут быть вопросы! Тем более у меня недавно прорезался бас.

На следующий день, в четверг, я решительным шагом пришел в Актовый зал на репетицию. Весь мой внешний вид говорил о том, что если я сейчас начну петь, это будет лебединой песней этой хоровой капеллы. Дирижер, прозорливый мужик, верно оценив ситуацию провел со мной откровенную беседу. Он объяснил мне, что поют только первые три ряда, а остальные колонны составляются из представительных ребят и обаятельных девушек, которые только лишь открывают рот в унисон со словами песен. Короче говоря, нам отводилась роль «фонограммы». За эти услуги мне пообещали организовать стипендию. Ну что ж, кто платит, тот и заказывает музыку.

Целый семестр я разъезжал по конкурсам и концертам. Перед выступлениями пристрастился пропускать «по-маленькой» с проверенными товарищами из задних рядов. Жизнь была прекрасной. Я, как рыба об лед, имитировал слова песен, получал свои 40 руб. в месяц и почти не посещал лекций. Но так уж устроено наше бытие, - везде нас подстерегают неудачки (обычно в самый неподходящий момент).

Эх, был погожий майский денек. Наш хор изощрялся в очередном конкурсе в ДК «Строитель». Как обычно, я с ребятами, что бы промыть горло приняли на грудь 150 гр. водки и, запив все это изрядным количеством пива, полезли выстраивать верхний «представительский» ряд. Все бы хорошо, да только стеллажи, на которых нам пришлось, стоять сильно вибрировали. И, когда оркестр и хор взяли свое «верхнее до», паперть зашаталась и мы, взявшись за руки, как десять влюбленных, рухнули вниз с метровой высоты. Слава Богу, обошлось без травм, но моей певческой карьере пришел **alles** . И наконец-то Плачидо Доминго, Зураб Соткилава и Лучиано Паваротти смогли спать спокойно. Но, как следствие, закончилось сорокарублевое финансирование. Печальная coda.

P.S. Я просился обратно в хор, умолял прослушать меня еще хоть раз, угрожал дирижеру «судом комсомольской чести», однако, увы - я был изгнан окончательно и бесповоротно.

КОЛХОЗНАЯ ЭПОПЕЯ.

Великая страна Советов регулярно-хронически не убирала с полей половину выращенного. Великая страна Советов придумала «битву за урожай». А так как Великая страна Советов любила и рыбку съесть и на писюн сесть, то заставляла Она бороться с урожаем школьников, студентов, пенсионеров и прочий бесплатный люд.

В колхозы я ездить очень любил. И куда только не бросала нас железная воля деканата, и чего только не убирали мы с полей нашей Родины. В своем повествовании я не выделяю особо какой-нибудь колхоз или сельсовет, - все они достаточно схожи. И что бы зря не пачкать бумагу я обьединил наши ежегодные выезды в одну большую помпезную эпопею.

Все- таки, совместные полевые работы -это удивительная возможность организоваться в крепкий спаянный коллектив. Помниться наш первый выезд был в село Песчанка. То, что мы едем на полевые работы нам сообщили через месяц учебы на первом курсе. В группе еще толком никто друг друга не знал, но все же как-то сговорились о том, что надо каждому взять по две бутылки водки. Я, простодушный парень 17-ти лет наивно полагал, что этого количества спиртного нам хватит на весь месяц полевых работ. «Ха-ха-ха!» - смеялись мы с Витей, когда спустя два дня понесли сдавать три сумки с опустошенной тарой. На, вырученные таким образом деньги, мы приобрели ящик «АГДАМА» (исключительной мерзости напиток) и две бутылки ликера «Мятный».

По молодости, я еще не знал разницы между ликером, водкой и коньяком, и поэтому перед дискотекой, совместно с Аликом и Виктором, разлив на три стакана «Мятный», лихо опрокинул содержимое внутрь. Не разбавленный ликер создавал впечатление машинного масла, разница была лишь в отрыжке. По лицам собеседников тоже было понятно, что они еще не бродили по подвалам «Массандры» и вкусы их еще не оформились. Все! На этом танцы для нас были закончены. Весь оставшийся вечер мы боролись со спазмами и от нас пахло аптекой.

А на утро пришло письмо от моей бабушки. Оно такое краткое и емкое, что я решил привести его целиком:

«Здравствуй Яша! Берегись простуды и девочек, последствия бывают ужасными! Шлю 5 рублей. Целую. Бабушка Наташа».

Трепещите древние спартанцы, со своей пресловутой лаконичностью. По все видимости, бабушке приснился очередной

сон. И, как выяснилось, неспроста. Я вспомнил об этом, когда вечером тискал на лавочке какую-то подругу из ДИСИ. Нет, нет! Вы не подумайте ничего плохого, это были невинные прижимания, тем более, вокруг слонялось сотни полторы народа. Но от тягостных предсказаний эрекция ослабла и я, извинившись, ушел. По-английски. Зачем искушать судьбу?

По ходу дела, я буду подробно описывать некоторых из моих друзей. Именно описывать, а не давать характеристики (и, ради Бога, пусть они не обижаются на мое мнение).

Итак, мой давнишний друг и сосед по общаговской комнате - Серега Томашвили (он же Томаш, он же Том, он же Томас и т.д. и т.п.). Несмотря на свою чисто грузинскую фамилию Серега имел вполне европейскую внешность: голубые глаза, рыжие волосы и совсем не орлиный нос. С Кавказа у него происходил дедушка, а сам Томаш родился и вырос на Украине. Но фамилия есть фамилия, и она, зачастую, вызывала у людей некоторое недоверие.

Помню, однажды, забрели мы в сельский продмаг (дело происходило в одной из бесчисленных Первомаек). Серега присмотрел себе неплохой польский свитер. Стоило это одеяние, по тем временам, дорого - 47 рублей. Мы наскребли 44 рэ, но трояка не хватало, хоть ты тресни. Тогда Томаш предложил за свитер то, что собрали, а недостающие деньги пообещал принести на следующий день. Завмаг, молодая девчонка, боролась с искушением, - с одной стороны промтовары шли плохо, а 44 руб. какой-никакой, а все же товарооборот; однако с другой стороны, 3 рубля не та сумма, которую можно доверять первому встречному. И хотя наши лица буквально излучали интелегентность, у нас потребовали расписку. Через пять минут бумажка была готова:

«Я, Томашвили С.В., обещаю завтра внести сумму в размере 3 руб. в кассу магазина.

Дата. Подпись".

Продавщица, внимательно осмотрев Тома, предложила подписать расписку мне.

Ну что ж извольте - ***Иванов*** !

Свитер нам не продали…

* * *

Серега любил зарабатывать деньги честным путем. Вот и тогда, пасмурным сентябрьским вечером, его и Валеру С.

подозвал к себе начальник фермы крупного рогатого скота, и о чем-то долго беседовал с ними. Единственное, что мне удалось услышать краем уха, так это то, как Томаш сказал: «Ждите, мы будем завтра утром.»

Наступила ночь, с ее попердыванием, порыгиванием и храпом. Да, насчет храпа, этим изумительным искусством в нашей комнате филигранно владел Дима. Он выдавал такие трели, что создавалось впечатление пробитых картечью легких.

Я долго не мог заснуть (мешало ночное пенье цикад), но когда на рассвете звуки горна подняли меня на очередной трудовой подвиг, обнаружилось, что Валера и Томаш куда-то исчезли. Видимо наклюнулось денежное дельце.

В тот день наша группа всю смену перебирала морковь в колхозном овощехранилище. И кода я, после смены, ввалился в барак, то был поражен двумя факторами:

1. Стойким запахом коровьего дерьма.
2. Отсутствием мух.

Нет, насекомые никуда не исчезли, они просто облепили тела двух товарищей

и что- то кушая, деловито копошились на них. У Валеры и Томаша уже не было сил отбиваться от мух, новоявленные коммерсанты беспробудно спали.

К случаю, я вспомнил один старый португальский анекдот, который весьма уместен на данный момент:

«Прибегает индеец к вождю и говорит:

- О, Великий вождь! Я, твой верный нукер Бегущий-за-Солнцем, принес две новости. Одна из них хорошая, а другая плохая. Какую докладбть в начале?

На что мудрый вождь поразмыслил и сказал:

Давай сначала плохую, а потом хорошую. Поначалу немного опечалимся, а затем возрадуемся. Слава мудрому богу Маниту!

Слава, слава… - эхом поддакнуло все племя.

- Так вот, - говорит Бегущий-за-Солнцем, - из-за моря приехали белые люди, они убили всех бизонов, на полях одно бизонье говно осталось, а так как близиться великий голод, - придется нам вот это самое говно жрать!

- Вах! - взвыло племя, - ну, а теперь давай говори быстрее хорошую новость.

- Не унывайте ребята, - радостно завопил Бегущий-за-Солнцем, - зато этого говна много…»

Да, этого дерьма было много, даже больше, чем много! И вот, что рассказали мне мои приятели, очнувшись через пару часов: Как и было условленно, в 4 часа утра, они уже крутились возле коровника, где и свели стрелку с работодателем. Парням было предложено нагрузить небольшую тележку коровьими какашками, за это им обещалось по пять рублей на рыло. Причем оплата произошла вперед. Сунув в карманы по пятишке и взвалив на плечи вилы, Томашвили с Валеркой бодро зашагали в сторону коров.

Ну, начнем с того, что «небольшая тележка» оказалась шестнадцатитонной вагонеткой. А что делать? Деньги получены, надо отрабатывать. Поначалу, чтобы не испачкаться, ребята аккуратно брали вилами «коровьи блинчики» и относили в тележку. Но, при этом, роль раздражающих факторов непрерывно возрастала: телега наполнялась медленно, вокруг шныряли миллионы мух и коровы непрерывно срали. Спустя полчаса друзья уже не думали о том, как бы не испачкаться, а лишь с остервенением швыряли навоз в утробу ненасытной вагонетки. Их производительность возросла до таких темпов, что казалось дерьмо присутствует везде, - в воде, земле и воздухе. Замкнутое пространство фермы было насыщено молекулами говна в такой степени, что ошалевшие мухи теряли ориентацию и на лету, сталкиваясь лбами, кучами падали вниз…

Через шесть часов все было кончено. И когда два товарища

выползли на свежий воздух, у них было всего лишь два жгучих желания: первое - упасть и заснуть; второе - отп…здить начальника коровника. Усталость взяла верх над криминалом.

К слову сказать, все колхозники, от мала до велика, пытались обдурить, прибывающих в виде шефской помощи, студентов. Может это была своеобразная месть за то, что их так бессовестно обманывает государство? У селян существовала какая-то подсознательная ассоциация между нами и страной Советов. Причем студенты представлялись эдакими агрессорами и частенько деревенские ребятишки, бегая за нашим автобусом кричали: «Американцы приехали!»

Но надо отдать должное, и прибывающая публика не оставалась в долгу. Например, учащиеся какого-то техникума из г. Марганец, позакручивали проволокой двери у пары десятков хат, а затем стали носиться под окнами и орать: «Махно вернулся!», «Пожар в сельсовете!», «Прячьте активистов!» и прочее. Хм, примитивные люди, с примитивными развлечениями. Студенты ДМетИ прослыли более изощренными и в отместку за зарплату в размере 68 (шестидесяти восьми) копеек, решили полакомиться колхозной гусятиной. А вот насчет заработка, если у кого-то есть сомнения, то можно поднять платежные ведомости. Что касается меня, я решил было написать заявление о переводе моего месячного заработка в Советский Фонд Мира. Пусть, думаю, за мои кровные денежки Зимбабве покормиться. Отдал бумагу в бухгалтерию… Через пять минут прибежал комсорг с глазами, как две общепитовские тарелки. Заявление пришлось изъять.

Ну, да ладно, давайте о птичках. Рядом с сельским ДК находилась гусиная ферма, где паслись упитанные экземпляры этих животных. На охоту вызвались идти Валера, Томаш и Шура С… Первые двое шли из-за мести (за говно), а у третьего было к этому делу призвание. По дороге к ним присоединился Жека. Во многотысячном стаде были выбраны самые крупные гуси. Принцип естественного отбора, где должны били уничтожаться больные и старые животные, ребят из ПТЭ явно не устраивал. Подманивая птиц, охотники приблизились к добыче на расстояние уверенного броска шестеренкой. Акция похищения прошла удачно. Затащив оглушенных птиц в кусты и зверски обезглавив их, Валерка не нашел ничего лучшего, как выбросить гусиные головы в зловонное озерцо рядом с фермой. Он почему-то решил, что они должны камнем пойти на дно. Но, увы, головы, как поплавки весело кувыркались посреди этой лужи.

Привлеченные шумом пернатых, со стороны птицефермы стали подтягиваться отряды злобно настроенных колхозниц.

Обстановка становилась критической - близился «час Х» и над Испанией таки было безоблачное небо. В этой обстановке Валере ничего не оставалось, как быстро раздевшись плюхнуться в эту вонючую жижу. Похватав и спрятав гусиные головы в трусы, он стал с блаженным видом плескаться в луже. Валера понимал, что встреча с рьяными хранителями соц.собствености вряд ли принесет ему новые приятные ощущения. Балаган требовалось катать до конца, иначе был гарантирован, как минимум, суд Линча. В кустах валялись еще теплые гуси, и Валере пришлось плескаться в озерке до тех пор, пока туча не миновала.

А в это время вторая группа товарищей обшаривала колхозные поля, на предмет изыскания сладкого перца. Арифметика и стимул были очень просты и заманчивы: мешок овощей менялся на бутылку «СЭМа». «СЭМ» - это марка самогона, имеющая вкусовой букет говна, табака и карбида. Употребляется обычно мутным и охлажденным, при обильном запивании колодезной водой. Рыгоопасен. Однако, за неимением лучшего, сойдет.

Где- то около 21 часа в избе у бабки Глаши произошел меняльный процесс. Выручив заветные бутылки самогона, все отправились в условленное место лесопосадки, где уже жарились в углях сочные гусиные тушки.

МАЛЕНЬКОЕ ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ ОБ АЛКОГОЛЕ.

На время посевной и уборочной компаний в колхозах наступали времена негласного сухого закона. В поисках спиртного народ изощрялся, как мог, но увы, в продмагах присутствовало одно лишь «Советское шампанское». Этот благородный напиток колхозный люд презирал. Отношение к нему, очень меткой фразой, выразила одна местная красавица. На предложение, сделанное ей грузином Юрой, - выпить шампанского и пойти показать ему местные достопримечательности (ток, стога, хлева и пр.), красотка философски ответила: «Ні, тількі не шампаньское! Я от него пердю! Брагу давай!»

Повальное мнение некоторой части жителей Украины о том, что в России все каждый день бухие, а вот у нас нет, - оказалось очередным мифом. Украинский крестьянин, в этом вопросе, ничем не уступал своему российскому коллеге. Выпивать могли и пили, как космонавты, т.е. в любом положении - лежа, сидя и на лету.

Особенно мне запомнился Павло. Дело было так - когда я поутру ополаскивал рот «Зубным эликсиром», возле меня стала кружиться темная подозрительная личность. Оторвавшись от кружки, я опознал Павла - колхозного водовоза. На лице у него была набита печать невыносимого страдания, руки его тянулись к моему флакону, а губы его шептали магическое слово: «коньяк».

«Успокойся, Павлик, - отреагировал я, - это вовсе не «коньяк», а всего лишь жидкость для освежения рта.»

«Ты ничего не понимаешь.» - последовал многозначительный ответ.

«Дай!» - и перед моим лицом замаячила широкая мозолистая длань.

«Ну на, бери - что разве мне жалко 35 копеек.»

Схватив эликсир, Павло судорожными глотками выпил его, затем выудил из недр фуфайки корку хлеба, обчистил зубок чеснока и стал смачно закусывать. Хлеб был такой черствый и грязный, что в мою голову невольно закралась мысль: «А не та ли это, одна из легендарных «трех корочек хлеба», с которыми гуляли в кабачке «Три пескаря» Буратино и его кенты Алиса с Базилио?» Сомнения в идентичности не появлялись. Вглядываясь, в просветлевшее лицо водовоза, я даже немного был счастлив оттого, что хоть как-то помог этому человеку.

Прошло время, и уже стал забываться этот случай, когда перед самым отъездом домой в нашей комнате появился Павло. Он вдохновенно произнес речь «о хороших людях», и о том, что «он не может с нами не попрощаться», что «он нам должен» и т.д. и т. п. Звучало красиво! И если выкинуть из песни связующее и цементирующее слово «блядь», то этой речью можно было встречать приезжающие в СССР делегации из развивающихся стран.

Закончив выступать водовоз, широким жестом, выставил на стол две бутылки стеклоочистителя и скромно добавил: «Прыгощайтэсь, хлопцы!» *КОНЕЦ МАЛЕНЬКОГО ЛИРИЧЕСКОГО ОТСТУПЛЕНИЯ ОБ АЛКОГОЛЕ.*

На фоне, все же корректного отношения к нам со стороны колхозников, отмечались и неприятные инциденты. Теплым летом 1983 года студенты групп ПТЭ добровольно работали в стройотряде на консервном заводе г. Царичанка. Повальная добровольность этого явления жижделась на том, что зам.декана скромненько так объяснил нам: «Тот, кто не запишется в стройотряд - не получит стипендии.» После такой рекламы, 100%-е желание ехать и консервировать фрукты-овощи, становилось неизбежным.

Девушки (в смысле женщины), составляющие 72% студентов нашего потока, нам (т.е. остальным 28%) казались малопривлекательными и не очень нежными. Однако, их появление в Царичанке произвело настоящий фурор среди мужской части населения. Желая поближе познакомиться, местные денди предложили заезжим леди устроить вечером дружеский фуршет. Они гарантировали изобилие шнапса, катание на мотоциклах и экзотическую любовь. На это леди, скромно потупив глазенки, стыдливо ответили: «Yes!» вот на этом джентльменство и закончилось.

Солнце еще не село за околицу села, а нетерпеливые царичанские хлопцы уже топтались возле дверей комнаты своих потенциальных подруг. Эти ребята еще не изведали всей силы женской подлости и коварства. Они были чисты, как стопка белой мелованной бумаги одиннадцатого формата.

Парубки постучались, дверь открылась, и… раздался жуткий грохот, - это попадали челюсти у слабонервных царичанских ловеласов. И было от чего! Ведь на пороге, сотрясая эфир двенадцатифунтовыми ядрами своих едва прикрытых грудей, стояла Она.

К горлу подпирала слюна, хотелось писать и выть, душа металась между ушами и пятками, - я прекрасно понимал внутренне состояние аборигенов. Примерно такое же

самочувствие было у меня во время приема в пионеры, когда вожатый сильно затянул галстук…

«Ой, мальчики, вы оставьте водку и подождите нас внизу, пока мы переодеваемся» - невинным голосом пропела эта фея. «Мальчики», нестройной толпой, повалили на первый этаж, где и замерли в сладостном ожидании.

Прошло 10 минут, 20 минут, 30 минут - самые нетерпеливые из гостей уже начинали нервно бить копытом землю, но увы, предметы их вожделенных мечтаний не появлялись! Вдруг, неожиданно, раскрылось окно на втором этаже и послышалось наглое ржание и женский визг. На землю, перед самым носом у парней, рухнули, как две неразорвавшиеся авиабомбы, пустые бутылки. Царичанцы узнали свою тару, - их чувства были втоптаны в грязь! Глаза налились кровью, вождь непрерывно издавал боевой рык, а моча, как молот, лупила в голову. Мне же представилась уникальная возможность лицезреть театрализованное представление «последнего штурма Сиракуз».

Вот уж не знаю, на что надеялись студентки, выжрав поднесенную водку - на чудо или на крепость дверей? (хотя, по-видимому, не исключался вариант, что придется «отдаться» если все преграды рухнут). Однако, двери выдержали, а садовая лестница не достала до окон второго этажа. Стало казаться, что опасность миновала…

«Еще не вечер!» - крикнул кто-то из арьергарда отступающих царичанцев - «Еще не вечер!» А из окон, пьяные девахи тыкали им в след замысловатые, с неприличным эротическим смыслом, кукиши.

На Землю спустилась тьма, тревожно квакали лягушки, и за горизонтом слышался монотонный гул. Появился один огонек, другой, третий, десятый, двадцать пятый, сорок восьмой, семьдесят третий и вот, наконец, девяносто пятый. Рев двигателей все нарастал, и вот тут-то мне стали понятны чувства жителей Кельна во время англо-американских налетов. Сходство было поразительным. Теперь осталось ждать результатов. «Дети полей» приближались, а вместе с ними неотвратимо близился час расплаты.

На четырех десятках мотоциклов прибыли все виды возрастных групп - от 16-ти до 65-ти лет. Молодежь жаждала обещанного секса, а аксакалы требовали уважения и справедливости.

Мы, забаррикадировав вход, лихорадочно набирали телефоны милиции и председателя колхоза. Чтобы не спровоцировать погромы и беспорядки, нам пришлось вступить в переговоры. Но, видимо, у них отсутствовал опыт

дипломатических сношений, так как с нами разговаривали сугубо языком ультиматума. Требования были просты - 12 бутылок водки! За это аборигены обещали не трогать гордых красавиц, засевших на втором этаже, и мирно удалиться кочевать восвояси. Двенадцать бутылок! - это был весь наш «золотой запас», припасенный на празднование Дня металлурга. Надо было упорно торговаться. Кстати, я был не против, чтобы местные парни устроили разборку с наглыми девками. Однако, вследствие этого конфликта могли пострадать и мы, не многочисленные особи мужского пола. А получать лишний раз пиздюлей никому не хотелось.

«- Можем дать всего лишь шесть бутылок.» - предложил Серега **К** ., за что и получил удар в скулу (здесь торговаться явно не любили). Но надо отдать должное выдержке и моральной стойкости нашего комсорга, - хотя у него и торчал за поясом молоток, он не пустил его в дело. Торг продолжался, но уже без **К** . Он не пожелал разделить горькую участь капитана Кука и, матерясь, гордо удалился в свою комнату. Обстановка уже накалилась до предела, когда на пороге, наконец-то, появились два представителя власти. От ментов прибыл какой-то хилый сержантик, а от администрации был делегирован полупьяный завхоз. Прислав этих людей, местный губернатор хотел, наверно, устроить из нашего жилища Брестскую крепость.

Как водиться, граждане и власть быстро нашли точки соприкосновения. Милиционеру напомнили о том, что позавчера он совместно с друзьями обносил колхозный яблоневый сад. А это криминал. Кладовщику же просто надавали поджопников. Мыкола-мент, испугавшись за свои сержантские лычки, быстренько смылся (на чужом мотоцикле). Завхоза Петю успокоили тем, что пообещали ему 1/12 часть предполагаемой добычи.

* * *

Наступивший на следующее утро День металлурга мы праздновали без водки, давясь дешевым вином «Струмок» и отчаянно матеря женский контингент нашего стройотряда.

* * *

Было бы ложью утверждать, что жизнь в колхозах состояла из одних лишь пьянок и трудодней. Присутствовали в ней и искусство, и рыбалка, и спорт. В частности, наш поток ПТЭ-82 составил, в свое время, костяк футбольной команды колхоза «Жовтень». Я тогда не играл (хотя очень хотелось), а был главарем группы поддержки. И если бы нас тогда свезли в Англию, то не думаю, чтобы мы ударили лицом в грязь перед британскими болельщиками. Играть тогда в футбол было и престижно и выгодно, хотя и несколько опасно. Помниться мне после встречи с «XXI съездом КПСС» у нас произошла небольшая потасовка. Студенты победили и «Съезд…» поспешно ретировался, залив перехлестнувшими через край эмоциями все поле. Ну, да ладно. Председатель «Жовтня» (оригинальный мужик) за каждую выигранную встречу платил щедро, но банально - натурой. Вся церемония проходила примерно так: После первого тайма, за воротами соперника урча и пыхтя появлялись два мотоцикла с колясками. В первой коляске лежали ящики с «Золотой осенью» (крепленое винцо), а во второй мешки с банками «Икры кабачковой» и буханки хлеба. В случае выигрыша или ничьей в лесопосадке устраивались пьянючие оргии; в случае же поражения пилоты мотоциклетов делали крутой вираж вокруг стадиона и, презрительно обдав нас выхлопными газами, исчезали. Но неудачи случались редко, и поэтому наша спортивная карьера изобиловала банкетами.

* * *

ГИППОКРАТИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ПРОЦЕССА ЛЕЧЕНИЯ.

Уж чего- чего, а бинтов с йодом -для раненых, и серы с ремнями - для сомневающихся, в наших лечебницах хватало. В стране издревле выпестовывалось уважение к бумажке, как к атрибуту Полноценности. Ну, а если на бумаге к тому же стояла большая круглая печать (что автоматически выдвигало ее на уровень монголо-татарской пайцзы) - можно было смело шагать по жизни размахивая этим папирусом…

«- Вот, блин! - скажет иной читатель, - что за писатель нынче пошел? Обещал про Гиппократа, а сам втирает какую-то херню про бумажки с печатями! Никакой связи.»

«- Э-э-э! Есть связь дорогой, есть!»

Ведь, как общеизвестно, Советский Студент (некий собирательный образ) большой любитель халтуры и прогулов. Этот грех неотъемлем, как секс и чрезмерные возлияния. Тем, которые ныне учатся за деньги, этого никогда не понять. Ущербные, мне искренне жаль вас…

Добрая половина студенчества отсутствовала на доброй половине лекции, а т.к. доцент Соколиным Глазом следил за посещаемостью, то вполне естественно, возникала необходимость изворачиваться. Вот тут-то и приходила на помощь наша всесильная медицина (кстати, самая бесплатная в мире). Только она оставалась той организацией документам которой безоговорочно верили, и даже испытывали благоговение перед голубеньким листком с печатями.

Больничный лист - вот та самая массово сдаваемая макулатура.

Медицина помогала в любых начинаниях. Вот был со мной случай:

Царичанская консервная фабрика. Студенческий отряд «Неукротимая энергия». Комната на 12 койко-мест. 10 часов утра. В 8 часов надо было бы быть на работе. Вроде очнулись. Я и Алик накануне вечером пили самогон и закусывали натертыми чесноком корочками хлеба. Излишне говорить, что за ночь сдохли даже мухи. Ребята, идя на смену, по-видимому, пытались разбудить нас. Это я понял по лежащим на наших кроватях разномастным предметам (от сапог до утюгов). Кидались, сволочи! Верный ход! Ведь попытка подойти к нам без противогаза - это прямое нарушение планов Гражданской Обороны. Но желания заняться консервированием у меня в это

утро не возникало. Кое-как умылись и пошли. Алик на фабрику, я в медпункт. Жуткую усталость навеивала на меня работа. Захожу в приемную. В нос ударяет пряный запах носков, резины и йодоформа. Ага, значит уже лечат. Очередь - человека три, местные алкаши. Как герой Ледового побоища захожу вне очереди. В кабинете густо воняло шлангами. Видно предыдущий пациент очень старался произвести впечатление на молодого врача.

Фонетическая справка **: Прикидываться «шлангом», «шланговать» - стараться ничего не делать, лениться (перевод с совка). По-видимому, производное от заграничного слова «шезлонг», но адаптированное к реалиям советской действительности.**

«- Что вас беспокоит?» - проявил терапевт участие к моему столь раннему визиту.

«- Вот!» - и я продемонстрировал ему свой большой палец левой руки, который намедни случайно порезал, открывая бутылку.

«- О, знатная травма! Чего же ты хочешь? (как-то мы быстро, даже без «брудершафта» перешли на «ты»)

«- Эх, лучше спроси, чего я не хочу. А не хочу я работать на консервной фабрике.»

«- Ну, тогда беги в магазин.»

«- Понял…»

Через полчаса мы раскатали бутылку, выяснили, что врач в прошлом году закончил ДМИ, а затем принялись сочинять отписку. Итоговый документ гласил:

СПРАВКА.

Дана Иванову Я.А. 1964 г.р. в том, что он по пути с работы получил травму большого пальца левой руки. Заключение комиссии - в течение месяца запрещено поднимать тяжести весом более 2 кг.

Дата. Подпись. Печать.

Спотыкаясь, я понесся в сторону проходной. Войдя в кабинет директора я, морщась и стеная от нетерпимой боли, перевязанной рукой положил на его стол справку. Возликовалось… но рано. Хитрющий руководитель все-таки нашел мне работу - послал на склад, клеить этикетки на трехлитровые банки с соком.

Уж, как только я ему потом эти «лейблы» не лепил - и параллельно крышке, и перпендикулярно, и асимметрично, и… в общем, вы поняли. А потом, на досуге, приловчился делать фирменный сельский дринк «BRAGA». Берешь бутыль яблочного сока, проковыриваешь в жестяной крышечке дыру, вставляешь в нее один конец шлангочки, а второй опускаешь в емкость с водой и выносишь конструкцию в укромное солнечное место. Через четыре-пять дней напиток готов. Взболтал, выпил и вперед! В глазах такая ясность образовывалась, что микробов было видно.

Мне такое времяпровождение зело нравилось, и даже по окончании стройотрядовской шараги было жаль уходить из прохладного булькающего склада. Душевно сросся я с ним.

Вот так клочок бумажки, осененный медиком, может круто изменить жизнь человека.

* * *

Мне немного жаль моего младшего брата Константина. Он попал в институт, уже на излете мудреной аферы Михаила Сергеевича под названием «перестройка». Я же учился в полнокровные и плодоносящие годы лютого застоя. В то время, несмотря на руководящую руку КПСС и леденящий взгляд КГБ, жизнь была прекрасной. Эх, милое болото моей молодости. Корабль империи казался непотопляемым и в буфетах было все и по доступной цене. Мы не имели понятия о национализме, который теперь возводят в патриотизм.

Как вы помните, стипендию я почти не получал, но на те 80 руб., которые мне высылали родители, я жировал, как татарский

хан после удачного набега на Русь. Мне ничего не стоило пойти в «Пельменную» и на 1 рубль нажраться до одури в глазах. Но, увы, те времена минули безвозвратно. Остались лишь пожелтевшие фото в альбоме, синий диплом, да воспоминания, от которых так радостно на душе и тоскливо в сердце.

УЧЕБА, ПРЕПОДАВАТЕЛИ И МЫ.

Как ни странно это звучит, но учебный процесс мне нравился. ДМетИ, несмотря на моральный пресс орденов, знамен и наименований (кстати, в 50-х годах институт гордо нес на бортах имя И.В.Сталина), все-таки имел более-менее либеральную обстановку. Училось студенчество легко и без перегрузок, в отличии, скажем, от Государственного университета, где учеба представлялась в виде долгонепроходящего запора.

Больше всего мне не нравилась зачетная неделя, а вот сессию я просто обожал. Ее приход для меня ассоциировался с началом каникул. Ну не благодать ли - четыре дня спишь, а на пятый идешь сдавать экзамен. Красота!

За все годы учебы в институте мною собственноручно были исписаны всего лишь пять конспектов. Остальные тридцать я брал на время экзаменов у своих сердобольных сокурсников.

Ну, а вообще если я сказал, что у меня было пять конспектов, то я соврал - их было шесть. За N6 числился так называемый «Заветный конспект». Я носил его на лекции с 1982 по 1987 год. Использовался он так: как только ко мне приближался преподаватель, я сразу же начинал делать записи в эту тетрадь. Создавалось впечатление усердного конспектирования лекции - и морально успокоенный доцент удалялся. Я же опять продолжал заниматься своими делами. Вообще-то записывали и втыкались в лекторский разговор лишь первые три ряда. Наивные люди! Они серьезно верили, что страну в будущем заинтересуют их знания. Ха-ха-ха! Если даже СССР можно было управлять в полуобморочном состоянии, то уж на производстве - чем долбое…стее начальник, тем он ценнее и перспективнее…

Основная же масса студентов на занятиях спала, играла, рисовала на партах половые органы и случалось - выпивала. Да, были у нас и такие уникумы - опустит он, значит, резиновую шлангочку в свой кейс, а там бутылочка «Мадеры». Сидит, вот такой студент, посасывает винцо под равномерное бормотание преподавателя, и ловит свой кайф. Моим же любимым развлечением были игры. Я опробовал все - от шахмат до крестиков-ноликов. Но самым шикарным и остросюжетным времяпровождением был «Морской бой». Один раз, я и Валера С. организовали настоящее «Морское побоище» на 10000-ом клеточном поле. Разыгрывалось почетное звание «Одноглазый английский адмирал Нельсон». Причем этот титул доставался проигравшему. Я победил.

Вообще- то преподаватели, в массе своей, дальше трибуны не

продвигались, и весь курс ПТЭ-82 развлекался, как мог.

Кстати, что вы слышали о специальности «Промышленная теплоэнергетика», как таковой? Знаете ли вы, что этой профессией овладели в стенах ALMA MATER тов. Л.И. Брежнев, тов. Тихонов и другие ответственные товарищи. Моя специальность очень ценится и на международной арене. Многие заграничные политические деятели имеют дипломы инженеров-энергетиков (в частности, взгляните на дипломы китайских и шведских высших руководителей). Поступайте в ДМетИ на ПТЭ! Или в другой вуз, но тоже на ПТЭ! Да, после такой рекламы в моих мемуарах, дорогому институту следовало бы мне приплатить. Хотя бы в счет не выданных за годы учебы стипендий.

* * *

Всегда вспоминаю один примечательный эпизод о том, как я с Димой три года дурачили кафедру, обещая нашему куратору восстановить макет, демонстрирующий производство эмали. За это нам по предмету УИРС (исследовательские изыскания) каждый семестр ставили в зачет оценку «отлично», однако макет продолжал лежать в руинах. Если можно, то пару слов об этом эпохальном сооружении. Модель эмалевого производства была изготовлена в середине 70-х годов. В макетной мастерской постарались, - все было подогнано тютелька в тютельку. Экспонат был сплошь покрыт мигающей иллюминацией, которая создавала видимость работы (хм, совсем, как в жизни). Изделие было настолько великолепно, что его аккуратно поместили в металлический контейнер и отправили на выставку в далекую, сказочную Индию… Обратно макет вернули в мешке.

И вот теперь Яша и Дима пытались воссоздать то, что осталось после любопытных индусов. А осталось, надо сказать, не много чего. Но время поджимало, куратор требовал показать товар лицом и мы вынуждены были лепить к макету все, что попадалось под руку. Ну, и чтобы додать помпезности нашему творению, решено было прицепить на боку табличку с выгравированной надписью. Табличка эта, обошлась нам в 8 рублей (сумасшедшие деньги по тем временам, должен я вам сказать!) и мало того, в тексте гравер сделал три орфографические ошибки. Я нервничал, но, слава Богу, все прошло благополучно. Говорят, до сих пор на кафедре ПТЭ стоит

этот макет с блестящей нержавеющей табличкой. Какая-никакая, а все же память.

Впрочем, эту аферу можно было бы охарактеризовать фразой из песни: «Куда уехал цирк?» или же «Когда уехал цирк?»

* * *

Было это в 1983 году. К грузину Юре из г. Ланчхути приехал друг и привез с собой канистру чачи и ящик мандарин. По этому поводу был созван большой кагал, где нашлось местечко и для меня с Томашем. Пригласили девушек.

Все, кроме Тома, выпили по полному стакану и дружно зачавкали мандаринами. Другой закуси не было. Стало тепло и весело, выпили еще, потом еще, - Меква стал рассказывать анекдоты на грузинском языке; а его друг объяснять, зачем на поверхности чачи плавает слой мух в палец толщиной. Девчонки ржали и излучали вокруг себя многообещающее тепло. Эх, все было бы хорошо, если б тамада не провозгласил четвертый тост. Я бухнул и сразу же понял, что количество выпитого уже перешагнуло отметку «Полет нормальный». В голове стали кружиться вертолеты, а в желудке готовился премьерный показ оперы «Рыголетто». Мутным взглядом я обвел собеседников и осознал, что термоядерный заряд мощностью «четыре стакана» вверг их в состояние полного обвала. Я стал ощущать рядом присутствие параллельных миров. И еще я понял, что сейчас начнется. Томаш, правильно оценив ситуацию, пихнул меня к двери. На пороге я, издав звериный рев и изрыгнув из себя что-то зелено-желтое, упал. Меня сбила с ног честна компания, которая ринулась искать укромные места, что бы излить свои внутренние потребности. Тем временем, Том интенсивно толкал меня к туалету, а я поливал все вокруг себя, как из брандспойта. Когда же, наконец-то, меня приблизили к унитазу на доверительное расстояние я уже излил в коридоре все, что хотел, и мне в общем-то ничего не оставалось сделать, как плюнуть в нутро этого сантехизделия и прорычать: «Все!»

Очухавшись, я прислушался, - в разных углах IV этажа «было плохо» моим друзьям и подругам.

И если закрыть глаза и освободить свое мироощущение, то все эти звуки гармонично сливались в разговор очень диких горных баранов. И если уж до конца освобождать свое мироощущение и представить, что все эти зеленые лужи

превратились в мины, то через это минное поле не прошел бы ни один, даже самый коварный, сапер Третьего Рейха.

Мне всего этого не помнится, поэтому некоторая часть легенд записана со слов Томашвили С.В.

Однако, продолжим повествование дальше. Когда в 3 часа ночи я встал в сортир пописать, то проходя мимо общественного умывальника увидел, что все пять раковин забиты рыгачками. Я помнил, что «Оно» было, но не запомнил «Где», и поэтому решился на самоотверженный поступок - саморучно прочистил одну раковину (людям ведь надо поутру где-то умыться). Свершив это благородное дело я направился в туалет. Отлил. Возвращаюсь, а умывальник опять заполнен блевотиной. Глухо стукнула дверь комнаты, где жил Меква. Я все понял - Юра облюбовал умывальник. Ага, соображаю, значит я отработал свое в коридоре! Но там все было чисто и убрано…

Спасибо, Томаш, ты настоящий друг!

P.S. До сих пор не пойму, почему я, погруженный в пьяный угар, все время

подозрительно интересовался: «Что же сказал Миклован?»

* * *

ЭКЗАМЕНЫ. РАЗНОВИДНОСТИ И ТЕОРИИ.

Вариант 1. Не помню с кем он произошел, поэтому буду говорить от третьих лиц.

Было это на кафедре у механиков. Студенты толпились у дверей за которыми шли экзамены. Кто-то кого-то случайно толкает, и «Зачетная книжка» непостижимым образом влетает в чуть приоткрытые двери аудитории. Несчастный владелец, в полуобморочном состоянии, медленно сползает по стене, нервно глотая слюну и икая. Он ставит на себе крест! - один, второй, вот уже рисует третий крестик… Неожиданно двери открываются и оттуда выбрасывают зачетку… в графе оценка стоит надпись «отлично».

А вот еще один случай связанный со швырянием зачеток. Был на кафедре сопромата один старый-престарый преподаватель по фамилии **П.** Он из принципа не ставил ни «отлично», ни «неуд.», и мотивировал это так: «Исключительно знает сопромат один лишь только господь Бог; «отлично» - только я; а самый лучший студент знает «Сопротивление материалов» всего лишь на «хорошо».

Так что, исходя из вышеприведенных постулатов, основная масса экзаменующихся получала «удовлетворительно». Однако, такую же оценку получали и те, кто вообще не соображал в чем суть предмета, но вот здесь-то и был нюанс закопан. Преподаватель П. ставил «удовл», расписывался в зачетной книжке и… с размаху метал ее в открытую форточку. Обычно, после этих экзаменов несчастные студенты стаями рыскали вокруг кафедры сопромата и тщетно искали свои зачетки. (Предложенный материал сомнителен и возможно легендарен).

Вариант 2. По старой студенческой традиции, известной еще со времен написания «Гаудеамуса», студенты, сдающие экзамены, каким-то образом помечали попавшие им в руки билеты. Делалось это для того, что бы следующая группа экзаменующихся смогла наделать «бомб» и взять «свой» билет.

«Бомба» - это полный ответ на билет + решенная задача. Имея на экзамене этот предмет на руках, оставалось лишь незаметно и ловко вытащить его, а затем делать вид, что ты что-то усиленно решаешь. Для того, что бы заранее узнать содержание билетов, некоторые усердные студиозы опрашивали всю группу, предварительно сдавшую тот или иной предмет. К слову, на специальности «Промышленная теплоэнергетика»

занимались три группы по 25 человек: ПТЭ-82-1; ПТЭ-82-2; ПТЭ-82-3; - так что экзамены шли чередой. Бывало, иной студент, после усиленной подготовки шел на экзамен загруженный «бомбами», как Б-52.

Я, например, учился на ПТЭ-82-1, а Томаш в группе ПТЭ-82-2. У меня с Томашвили существовал железный договор: «Помечать билеты по углам английскими буквами ***R*** ». А так как зрение у меня плохое, то мой друг рисовал эти знаки большими и жирными, такими, что я замечал крапленый билет с порога аудитории. Некоторые преподаватели до такой степени не обращали внимания на все эти метки, что на одном из экзаменационных билетов Серега написал: «Привет от Тома!»

Да, и еще, взять чужой билет считалось верхом подлости.

Вариант 3. Случались на экзаменах чудеса и абсолютно аномальные явления.

Расскажу об одном таком случая, который произошел непосредственно со мной.

Я шел на экзамен по экономике, насвистывая битловскую мелодию “Let it be». Я был обнаглевший до беспредела, потому что в нагрудном кармане моего пиджака лежала одна единственная «бомба» с ответом на билет N 14. Этот «N 14» пометил Томаш, за четыре дня до этих событий сдавший экономику на «хорошо». Экзамен принимала доцент Четверик. Это была суровая женщина, напоминавшая внешне активистку из первых марксиситких кружков России. Обвести ее вокруг пальца было очень сложно, этого не смог бы сделать даже вождь гуронов Хитрая лиса, не то что там какой-то студент Иванов. Экзамен, по сути своей, был сложный, доцент прозорлив и неумолим, поэтому, с моей стороны, следовало бы хоть немного полистать учебник. Ан нет, я посвятил это время коммерческим поездкам во Львов (об этом рассказ впереди) и теперь шел на экзамен с единственной «бомбой», как революционер-народник на карету Великого князя. Но, увы, жизнь зачастую вносит свои, и не самые лучшие коррективы, - доцент сменила колоду… И вот теперь я стоял перед столом, на котором поблескивали белоснежной рубашкой новые билеты. Мне оставалось лишь мысленно взывать к Богу.

«Чуда! Чуда! - молил я, - Боже, опусти длань мою на билет содержащий знания мои. Ну, что Тебе стоит?»

И чудо свершилось! Я высмыкнул из пачки листок с вопросами, повернул его лицом к себе и охнул:»Билет N14». Кровь стала насыщаться адреналином, а желудок сероводородом - в мозг полетел сигнал радости! Незаметно крестясь и напевая «Аллилуйя, аллилуйя!», я побежал занимать стол подальше от

преподавателя.

Спустя полчаса, мне не оставалось ничего более, как отбарабанить мадам Четверик содержание экзаменационного билета. Но на любые вопросы, выходящие за рамки этого документа, я отвечал или презрительным молчанием, или начинал говорить, переставляя слова, в уже сказанных фразах из этого билета. Все происходило, как в том ветеринарном анекдоте про блох:

«Приходит студент к профессору сдавать экзамен по зоологии. Но, как водится, все время, выделенное на подготовку к этому предмету, студент проспал и прогулял. Однако, он успел выучить один единственный вопрос - про блох. Достает билет: «Семейство кошачьих».

«Значит так, - отвечает экзаменующийся - все кошки имеют шерсть, а в шерсти у них, естественно, проживают блохи.» И выложил все, что знал про блох.

«Что ж, хорошо, - говорит профессор - тяните еще один билет.»

Дрожащей рукой студент достает следующий вопрос:»семейство псовых.»

«Все собаки имеют шерсть, в шерсти водятся блохи,» - и рассказ про блох был повторен вновь.

«Ладно, - соглашается экзаменатор, - а теперь расскажите-ка про рыб, молодой человек.»

«Профессор, - отвечает студент, - рыбы, это такие животные у которых чешуя вместо шерсти, но на минутку представьте, если бы у них была шерсть, то в ней обязательно водились бы блохи. А, что касается блох, то вот, что я вам скажу…»

В итоге, я с трудом вырвал оценку «удовлетворительно», что само по себе, не так уж и плохо.

Вариант 4. Были и другие способы для получения зачетов, не сильно при этом напрягаясь. У определенной группы товарищей это здорово получалось в преддверии зимних сессий. Как и почему? Хм, а ларчик-то просто открывался.

22 декабря 1920 года на VIII Всероссийском съезде Советов был утвержден план ГОЭЛРО, и много лет спустя после этого события на кафедре промышленной теплоэнергетики стали устраивать праздничный вечер. А так как недюжинными артистическими способностями, искрометным юмором и прочими талантами отличались, почему-то, двоечники и троечники то, как на лучших арабских скакунов, вся ставка делалась на них. И мы никогда не подводили. Во многом благодаря нам праздник получался и все ПТЭ ржало, как опять-таки вышеупомянутые арабские кобылы.

Приведу аксиому: «После ударно проведенного празднования Дня энергетика становилось легче дышать, преподаватели мило улыбались, а в зачетных книжках появлялись приятные и ценные надписи.»

Только лишь описаниями этих мистерий можно было бы занять полкниги. Но, увы, бумага нынче дорога.

Добавлю еще к сказанному, - по натуре и характеру я демагог (из меня получился бы прекрасный президент). Я могу сказать неправду в глаза человеку, а если уж появляется возможность пиз…ть без страха и сомнения за последствия, - тут меня трудно остановить (как несущихся на всем скаку арабских жеребцов).

Все- таки круто я связал День энергетика с арабским коневодством! А?

Вариант 5. Прикольный случай произошел со мной на экзамене по тепломассообмену. Принимал его доцент, который любил иногда нервно погрызть ногти на своих пальцах.

Ко мне этот преподаватель относился хорошо и я сохранил о нем теплые воспоминания. Но у этого доцента был один маленький недостаток, - он писал стихи. И, как я подозреваю, только из большого уважения его поэтические перлы регулярно печатались в институтской малотиражке «Кадры металлургии». Смысл стишков был героико-патриотическим, и в вольном воспроизведении они звучали примерно так:

Пиф- паф! Стреляет из амбразуры пулемет!

Эх! Не сдается вражеский дот!

Юный герой к доту ползет,

Генерал из шкатулки медаль достает! и т.д. и т.п.

В общем мощным аккордом ревел соц.реализм. Эка он заворачивал! Такой продукцией можно вражеским шпионам мозги промывать. Это похлеще, чем пытка чапаевскими носками. Ну, да ладно, вернемся к экзамену.

Захожу я, значит, в аудиторию, а доцент мне с порога читает стихотворение об «осени и разлуке». И тут же интересуется, знаю ли я автора.

- По стилю, очень похоже на А.С.Пушкина.

- Ну что ж, Иванов, берите экзаменационный лист и думайте.

Я, привычным движением руки, выхватил из кипы билетов тот, который мне пометил Томаш, и пошел на заднюю парту. Обустроившись, я достал заготовленную «бомбу» и стал обдумывать свои дальнейшие действия. Прошло полчаса, и я двинул свои стопы в сторону экзаменатора-пиита.

- Ну и как, Иванов?

- Знаете ли, это не Пушкин, а скорее всего Лермонтов или Баратынский - и, выдержав паузу, я добавил, - Хотя, в нашем

институте есть преподаватели, которые тоже пишут отличные стихотворения!

Если судить по его радостно-расплывшейся физиономии, то мои слова были, что называется, опрокинутым ведром меда на его израненное стрелами критиков сердце.

«Ну, - вдохновенно подумалось мне, - щас будем получать оценку *пять* !»

- Так, - подытожил доцент наши поэтические дебаты, - а теперь отвечайте по билету.

- Теплообмен в среде…

- Правильно. Переходите, товарищ студент, к следующему вопросу.

- В турбулентном потоке частицы вещества…

- Верно. А как вы решили задачу?

Задачка тоже была решена. Все шло, как по маслу, но, к сожалению, я засыпался на формулах. Из трех заданных мне уравнений я знал только два. Однако это уже не сыграло никакой существенной роли.

Вот так знание русской словесности помогло мне получить в зачетку оценку «хорошо».

Вариант 6. К слову сказать, наша кафедра, издревле славилась нормальным, дружеским отношением преподавателей к студентам. Лично я уважал людей, которые не устраивали из экзаменов пыток. Но, иногда, когда доцент видел, что студент не только не открывал конспект, но даже не ложил его под подушку в ночь перед экзаменом, то действо становилось похоже на цирк. Экзаменатор нагонял на себя грозный вид и произносил следующий монолог: «Молодой человек, если вы желаете заработать удовлетворительную оценку, то будьте любезны ответить на три очень каверзных вопроса:

1. В каком институте вы учитесь?

2. По какому предмету вы сейчас сдаете экзамен?

3. Какова фамилия преподавателя, принимающего этот экзамен?

Комментарии здесь излишни.

Вариант 7. Иногда преподаватели позволяли себе немного развлечься на экзамене. Выглядело это так:

В аудиторию, буквально, врывается доцент С-ский и толкает следующего содержания речь: «Я знаю, что вы по-любому ухитритесь все списать со шпаргалок, а поэтому, кому достаточно «удовлетворительно» давайте зачетки - ставлю без экзаменов.»

Часть непритязательного студенчества радостно отсеивается. Двери закрываются и С-ский продолжает свой спич: «Ну, а теперь несите зачетные книжки те, кому надо «хорошо» - ставлю без

экзаменов!». А вот тут-то народу идет мало (каждый считает себя достаточно хитрожопым, что бы подождать того момента, когда начнут раздавать «пятерки»).

- Ну, что ж отличники, - говорит доцент, - а сейчас мы начнем прояснять ваши самоуверенные знания! (И начинает жарить умников по полной программе). В итоге, 1/3 часть не сдает экзамен и, облаживая себя матюгами, идет прочь, попутно воспитывая в себе чувство интуиции.

Вариант 8. В 1982 году, из вступительных экзаменов самым крутым считался «письменное сочинение». Писать можно было или по-русски или по-украински. Практически все изощрялись в бумаготворчестве на русском языке.

В пору, предшествующую экзаменам, вокруг вузов шныряли какие-то темные личности и предлагали неопытным абитуриентам фотографии размером 9 х 12. На них были изображены сочинения на классические темы. Стоили эти фотошпаргалки дорого 1 шт. - 1 руб. Обычно, продавался набор из десяти карточек. Ректорат очень своеобразно реагировал на действия этих барыг, - засылал в их среду своего агента, который покупал образцы нелегальной продукции. Затем эти фотокарточки размножались на ротапринте, и у строгих экзаменаторов появлялась возможность квалифицированно определять - кто пишет сочинения сам, а кто считает, что вокруг одни дураки.

Из заведенного много лет назад порядка, на вступительных экзаменах предлагались следующие варианты возможных сочинений:

1. Революционно-патриотические.
2. По русской (украинской) литературной классике.
3. Вольная тема.

Я вообще- то люблю хохмы и приколы. И поэтому, решил было написать сочинение на вольную тему: «Что же все-таки приснилось Авроре Крейсер?» Но, мельком взглянув на лица людей, принимающих экзамен, я понял, что надо сочинять о А. Матросове или, как минимум, о П. Корчагине. Н-да, железобетонность -норма жизни.

Ну, думаю, чем проще, тем лучше. И решаю не писать предложения в составе которых может быть больше четырех слов. И никаких запятых!

У меня и сейчас стоит перед глазами начало того произведения:

«Падает густой снег. Идет Великая Отечественная война. Бойцы сидят в засаде. На нацистов работает Европа. Красноармейцам отступать некуда… и т.д.» Чушь конечно, но

зато на оценку «gut». Видимо, членов комиссии прельстило отсутствие знаков препинания (кроме, естественно, точек).

Простота - залог здоровья!

На вступительных экзаменах я познакомился почти со всеми своими будущими однокашниками. Для статистики отмечу, что в 1982 году на специальность ПТЭ был проходной балл 18,0 и конкурс 1,4 человека на место.

На этих же экзаменах я встретил троих, по своему уникальных парней, Гарри, Пиля и Шура. Помолчим, пока о Гарри (может потом, как нибудь, напишу о нем), скажу о Пиле и Шуре. У этих двоих хлопцев из города Ватутино были очень своеобразные отношения. Они почти не разговаривали друг с другом и, поделив по линейке общаговскую комнату на две суверенных части, убирали каждый свою половину. Причем, оба старались смести мусор на чужую сторону. Нарушение принципа территориальности, зачастую влекло за собой осложнения в виде отборной матерщины, мордобоя и хватания за ножи и вилки…

Особо, я и Томаш ждали те дни, когда ты, Пиля, приезжал из дому с большим коричневым саквояжем. Чего там только не было, - и картошка, и печенье, и носки, и плавки, и даже свежая рыба. Все бы хорошо, да только как я это содержимое перечислил, так оно и было перемешано в сумке.

Еще нам очень нравился твой стиль ношения рубашек. Помнишь? Ты открывал настенный шкаф, снимал с себя грязную рубаху, и с размаху бросал ее поверх кучи грязного белья, затем отработанным движением из-под этой же кипы выдергивал «свежую» рубашку. И вот так много раз совершали свой жизненный цикл предметы твоего гардероба. Видимо, ты так точно рассчитал высоту этой кучи, что вещь, проходя от верхней «мертвой» точки до нижней, успевала основательно проветриться.

Так стоп. Эта глава посвящена экзаменам. Продолжим тему.

Госэкзамен. По некоторым предметам мои знания представляют собой ноль, плавно переходящий в окружность. Но были и такие дисциплины, где я считал себя непревзойденным мастером слова, корифеем. Например «История КПСС». Такое же название носил и госэкзамен. Вообще-то, когда мне приходиться сдавать предметы, связанные с трепалогией и болтологией, то обычно, я полагался на полет фантазии и неудержимость словесного поноса. «История КПСС» не была в этом смысле исключением. Идя на этот, жизненно важный для будущего энергетика, экзамен, я не прочел ни одной строки из трудов основателей марксизма-ленинизма. И это не потому, что я не уважал их литературные потуги; и не потому, что мне было сложно понять их учение. Нет! Глядя на десятки томов Маркса,

Энгельса и Ленина (мысленно сравниваю их с комиксами Брежнева), я не могу не преклониться перед работоспособностью этих теоретиков. Однако, окружающие нас лозунги, плакаты, цитаты и прочая х…ня, настолько засели в мозгах, что используя их можно было нести на экзамене вполне складную и приятную для уха преподавателя ахинею. Нужно лишь собирать до кучи известные и любимые с детства понятия и строить из них нужные предложения.

Так все и происходило в тот погожий солнечный день 1987 года. Я, взяв билет и даже не взглянув в его содержание, уверенно сел за вторую парту. Стол был распухнувший от обилия втиснутых в его нутро конспектов, рефератов, вырванных из учебника листков, шпаргалок и прочей дребедени.

Устроившись поудобнее, я углубился в изучение вопросов. Билет состоял из трех пунктов:

1. Апрельские тезисы В.И.Ленина.

2. Уроки революции 1905 года.

3. Тлетворное влияние западной пропаганды на неокрепшие умы молодежи капстран.

Я пошел отвечать без подготовки. Принимали экзамен два умника из Киева. Взглянув на их, раскрасневшиеся от предыдущих студентов лица, я понял, что им уже можно втирать все, что угодно. Пролезет, как по маслу, а если не пролезет, то и не надо.

Усевшись, и сходу пробурчав две первые, пришедшие на ум, даты написания ленинских работ, и определив суть «Апрельских тезисов» фразами типа: «Вся власть Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов!» и «В первую очередь надо захватить Почтамт!», я перешел к вопросам тлетворной западной пропаганды. Это был мой любимый конек. Возможно ли представить такое: я в то время не видел ни «Рокки», ни «Рэмбо», ни «Коммандо», а поливал, стервец, эти киноленты грязью, как труба городской канализации. Но, как бы то ни было, мне удалось в мрачных тонах отобразить убогую суть американского кинематографа. Преподаватели млели, - им очень нравилось, как я складно обосрал все вокруг. По окончании моего выступления, мне была задана пара-тройка никчемных вопросиков, о сроках прихода нашей страны к светлому царству коммунизма. Хм, коварный реверанс! Экзаменаторы, хотя и кинулись лохами, но дело свое знали туго. Даже они уже понимали, что идея коммунистического общества рухнула, но все же решили проверить меня на «дуроустойчивость».

Вот мой ответ: ***«Построение любой экономической и общественной формации возможно, при соблюдении условий***

фундаментального подхода на уровне передовой философской и научной мысли, а также морального взросления масс данного этноса, плюс (естественно) электрификация всей страны.»

Во загнул! Нагнал такой пурги, что ни один нанаец не проедет. Словом, абстрагируемо все, кроме самой абстракции.

Доценты целую минуту молча смотрели на меня ошалевшими глазами. Для них эта фраза была откровением Иоанна Златоуста, передовой мыслью философии и андерграундом науки. Они записали это изречение в свои блокноты и попросили сказать еще что-нибудь. Однако я, сославшись на перенапряжение мысли, с поклоном удалился. Хм, нашли дурака, может им всю кандидатскую надиктовать.

Все закончилось великолепно. В числе немногих я получил оценку «отлично».

НЕБОЛЬШОЙ РАССКАЗ О БОДИБИЛДИНГЕ.

Вопрос культуризма, в 70-х и в начале 80-х, почему-то нарушал душевный покой тогдашнего советского истеблишмента. В чем-то я мог понять этих людей, воспитанных на идеалах к/ф «Судьба человека», где (как вы помните) герой не закусывал ни после первой, ни после второй. Впрочем, мое поколение не отделяет себя от вышеупомянутых товарищей. Умение выжрать в гостях литру «Водки» поощрялось и приветствовалось.

Но вернемся к культуризму. Само название этого вида спорта так набило оскомину (благодаря нашей правдивой прессе), что и сейчас его стыдливо именуют «атлетизмом».

А тогда в 80-х, слово «культуризм» было синонимом таких понятий, как «импотенция», «звериное лицо капиталистического спорта», «телесное извращение» и «гантельный маразм». А все потому, что это сугубо индивидуальное занятие, а у нас же требовалась массовость и коллективизм.

Кроме, пожалуй, И.Муромца, вся официальная литературо- и кинопропаганда не привнесла в народ ни одного здорового и сильного мужика. На сценах театров и страницах книг царили какие-то бесполые милиционеры, разведчики и председатели колхозов. Эти герои, неизменно сбивали с ног соперников, своим недюжинным интеллектом. Мышцы предавались анафеме. Мускулистыми в кинофильмах изображали лишь дикарей и индейцев, и то благодаря стараниям Гойко Митича.

А действительно, зачем Суслову и Лене Брежневу «культ силы и тела»? На этот риторический вопрос никто не знает ответа. Поэтому и снимали фильмы «Баба Яга против», да «Юркины рассветы». В этих произведениях у наших вождей не было конкурентов.

Надо сказать, в то время, Генеральный жил, как приличный человек - бухал, охотился, щупал женщин и другим не мешал. И я, не покривив душой, могу честно признать: при Леониде Ильиче никто гуляющий народ не обижал, не то, что при временах «сухого закона» Михаила Сергеевича. После выхода Указа, я было подумал, что у Горбачева помимо Раисы есть еще одна язва. Ан, нет! В принципе он здоровый человек. Однако, в отличии от Брежнева, он туго понимал, что же именно сбивало массы в плотные ряды и на чем жизделся гениальный клич: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Но это все политика, а если коснуться экономического аффекта?! Я ведь уверен, что ни один член

Верховного Совета СССР не дрыгнулся против пресловутого Указа, который предрекал полный п…дец Национальному доходу!

У меня еще свежи в памяти статейки из тогдашней прессы. В них жополизы со всего Союза сообщали: о вырубленных виноградниках, демонтированных производственных линиях, о празднованиях безалкогольных свадеб и прочей х…не. Кстати, о свадьбах. У меня, на моем собственном веселье, пришлось поить гостей замаскированным самогоном. Этот благородный напиток разносили в вазах из-под цветов, держа наготове букеты, для конспирации. Дело в том, что милиция, совместно с активистами «Общества трезвости», имела право проверять банкеты, свадьбы и прочие мероприятия на предмет самогона. И если оный обнаруживался, то вся веселая компания штрафовалась и продукт изымался. Но, честно говоря, зачастую все заканчивалось тихо и мирно - взяткой.

Между прочим, на свадьбу, по справке ЗАГСа выдавалось всего 10 (десять!) бутылок водки. Кроме, как провокацией, это никак не назовешь!

Почему- то, официальные лица того периода не говорят, что параллельно с антиалкогольной битвой разворачивалась антитабачная компания 1985-88 гг.(видимо в ЦК КПСС постановили оздоровлять комплексно). А вот плоды, (в смысле, листья) мы покуриваем сейчас в 90-х годах. Ну, что здесь сказать, -пусть уж лучше наш Предводитель пьет и курит, так для страны и народа не накладнее. К слову, дорогой Леонид Ильич, курил «Новости». Но не то дерьмо с бумажным фильтром, а сигареты спецзаказа.

Тьфу, тьфу, тьфу! - что-то я ринулся рассуждать о высоких материях, а моя книжка всего лишь студенческие воспоминания.

Так, к столу, перечислю мои любимые тосты, которые я произношу на банкетах, при наличии приличной компании и хорошей закуски (даю их по мере нарастания выпитого):

1. За родителей!
2. За здоровье жены и детей!
3. Давайте выпьем за хозяина и хозяйку!
4. Мы сюда жрать что ли пришли? Давайте выпьем!
5. Хай здохне той, кто нас не любе!
6. За кибернетику!
7. За дона Пэдро из Бразилии!
8. Ну, чтоб не разливалось!
9. Давайте просто выпьем!
10. Эх, на коня!

И уже после десятого тоста, всю ночь дразню козла в унитазе.

Бээ-э-э-э!

Очень я люблю заканчивать написание каждой главы тематическим анекдотом.

Не похерим традицию:

«Пресс- конференция А.Шварценеггера. Вечер вопросов и ответов.

Поднимает руку дряхлый старичок:

- Просвети меня, Арнольдушко, я вот ужо прожил 80 лет и до сих пор не пойму - какая у меня мышца х… держит?

- Сколько, говорите, вам лет? - уточняет многократный чемпион по бодибилдингу.

- Восемьдесят стукнуло, милый друг!

- Тогда бицепсы, дедушка.»

Вот такой вышел рассказ о культуризме…

ПОЕЗДКИ ВО ЛЬВОВ. КОММЕРЧЕСКАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ.

Как я уже говорил, получали студенты мало. Стипендию в 40 рублей государство мне не платило, и я жил на 80 руб. родительской дотации. Много это или мало, судить было сложно, но на двойную порцию пельменей и стакан сметаны хватало. Я мог позволить себе, через день, посещать «Пельменную» (да, да ту самую, которая стоит возле памятника олицетворяющего освобождающуюся Украину) и лопать до отвала.

Восемьдесят рублей - это конечно хорошо, однако, для шикарной жизни денег явно не хватало. И студенчество выкручивалось, как могло. Томаш, например, устроился сторожем на строящийся объект народного хозяйства. Валера ходил подрабатывать на табачную фабрику, откуда выносил килограммами сигареты «Дніпро». Как-то раз он взял с собой меня и Томашвили, но увы, на фабрику нас не пустили. Вохровцы испугались, что потери продукции придется исчислять центнерами, ибо об этом красноречиво намекали гигантские рюкзаки за нашими спинами и пустые дорожные сумки в руках.

Витюха зарабатывал свои деньги лабая в кабаках. Алик занимался на своем «Москвиче» нелегальным частным извозом. И т. д.

Я было решил пойти подрабатывать ночным сторожем в наш институт, но хитрожопые вахтеры-пенсионеры так мудро состряпали график дежурств, что мне выпадали одни праздники и выходные. Проработав полмесяца, я послал их на хер. Да, честно загребают свои миллионы лишь колхозы, цирки и Генеральные секретари. Остальной же части трудоспособного населения, что бы заработать на сносную жизнь, приходилось балансировать на грани закона. Хотя, грань эта сложна и расплывчата, как фингал под глазом у моего любимого литературного героя Мишки Квакина.

Я - человек случая, и этот случай подвернулся. Однажды, по-моему это было на лекции по гидродинамике, Вадик Н. продавал всем желающим электронные часы. Это был наручный будильник, неизвестно где произведенный, поющий семь мелодий и гордо несущий на груди надпись «MONTANA» (варианты “LEVIS”,”ORION” и т.д.). В общем это было то барахло, которое на Западе в приличных магазинах не продавали, а в дешевых шопах такие часы сыпали горстями, вместо сдачи, от покупки блока жвачки. Но в тогдашнем СССР этими мелодиями услаждали свой

слух фарцовщики, проститутки, старшие офицеры и прочие нувориши. Ношение этих часов было признаком благосостояния и четкого жизненного ценза их владельцев. Мне неимоверно захотелось иметь у себя это сокровище, и я уже примерил то, что продавал Вадик, и почти согласился с ценой в 110 рублей, когда на горизонте появился Томаш. Он сорвал с моей кисти будильник, отдал его коммивояжеру, и отвел меня в сторону, поговорить. В голове у Тома созрела гениальная, по своей простоте, мысль. Арифметически это выражалось так:

Во Львове, поляки продают местным перекупщикам эти часы по 25 руб., затем те пихают их приезжим коммерсантам по 35 руб., а в городе Днепропетровске они уже стоят 75-100 руб. Вклинивание в любое звено этой цепочки, позволяло иметь определенный доход. Желательно, конечно, было бы покупать часы непосредственно у граждан Польши и Югославии, но что-то не очень хотелось связываться с перекупочной львовской мафией. Поэтому был разработан следующий план, - покупать у львовян будильники по 35 руб., и перепродавать их в «комках» города на Днепре по 75. В этом случае навар был гарантирован и мы собрались в дорогу. Знакомые ребята дали нам адресок одной тамошней старушки, у которой можно было недорого переночевать. К адресу были приложены следующие инструкции:

1. У бабки склероз.

2. Заходить в квартиру уверенно и утверждать, что жил у нее раньше (старушенция, в силу каких-то своих принципов, любила постоянных клиентов).

3. Будет требовать паспорт - не давать! Фиг найдешь потом!

4. Бабульку не обижать, деньги платить исправно и честно. Тем более, когда разговор заходил о «грошах», у бабки невероятным образом просветлялась память, и она четко знала, - кто и сколько ей должен.

Прилетев во Львов, я и Том первым делом пошли искать эту квартиру. Еле нашли. На наши требовательные звонки дверь чуть-чуть приоткрылась и в пространстве, ограниченном дверной цепочкой, появилась хитрая старушечья морда.

- Шо треба?

- Открывай, баба Галя! Ты что, не узнаешь старых знакомых? Мы ведь были здесь, на постое, месяц назад.

- Русины або пуляки? - спросила бабка, что-то прокумекав в уме насчет валюты.

- Грузины! - ответил Томашвили.

- Заходьте, хлопцы!

Мы прошли в небольшую прихожую, где старуха еще раз внимательно осмотрела нас. К слову сказать, она меня признала, а Томаша нет. Но это было не столь важно, так как баба Галя уже назвала цену и указала нам наши койки. Побросав дорожные сумки и заплатив за жилье вперед, мы поехали на толчок за часами.

Черный рынок встретил нас разнотравьем ханыжных рож. Бизнесмены, образца 1985 года, выглядели эдакими небритыми мужиками, облаченными в рваное шмотье. Впрочем, не отличались особой элегантностью и сопровождающие их барышни. Но этих людей можно было понять, ведь им часто приходилось проводить ночь в КПЗ, после очередной милицейской облавы. А на казенных нарах не очень-то уютно чувствуешь себя в смокинге или вечернем платье. Кстати, я и Том тоже представляли из себя весьма колоритные фигуры, - трехдневная щетина, старые тулупы и бегающие глаза, - ни дать, ни взять «лесные братья»! Встретили нас тепло и радушно. Первый же подошедший спекулянт предложил часы, в неограниченном количестве. Вот здесь-то мы и накололись! Ведь ни я, ни Томаш толком не знали, как проверить работоспособность этих будильников. Но так как бизнесмен производил впечатление потрепанного, но все же джентльмена, - мы поверили ему на слово (и долго потом об этом сожалели!). Приобретенные 8 шт. часов, были уложены в потайные карманы сумок, и так как уже начало темнеть, мы побрели отдыхать от трудов праведных на хату к бабе Гале.

Перекусив рыбной консервой и развалившись на койке, я предложил Тому все же проверить будильники, на предмет их

исправности. На что он с радостью согласился.

Часа полтора мы тщетно нажимали все кнопки, присутствующие на этих «чудо-механизмах», но увы, электронное табло высвечивало какие-то дикие цифры и часы явно не хотели выполнять свои прямые функции. Однако, это было не самым страшным, главное, в чем заключался весь ужас нашего положения было то, что из них не извлекалось не то что семь мелодий, а вообще часы даже не пищали. Это был «аллес», «цюрюк» и «монтана», т.е. говоря по-русски, - полный пиз…ц! Ведь исполнение песенок - это гарант исправности электронных будильников. Покупателю было глубоко наплевать, высвечиваются цифры или нет, ему требовалось звучание мелодий.

В те времена везде: в кино, в бане, в поезде, на светских раутах и заседаниях сельсоветов, - один раз в час, слышалась радостная трель этого электронного шлака. Далее церемония выглядела так, - владелец чуть ли не до локтя оттягивал рукав пиджака, смотрел на часы, вожделенно хмыкал, и презрительно оглядывал не имеющих этого богатства соотечественников. Не удивительно, что после такой рекламы, толпы жаждущих и страждущих граждан осаждали «комки» и «березы», питая надежду так же прибалдеть от электронного писка…

Так вот, из восьми купленных, сыграли вальс лишь двое часов, остальные же уныло молчали. Это была самая жуткая ночь, проведенная нами во Львове. Ни я, ни Том не спали до утра, - вздыхали, ворочались, матерились, а в сумке, как назло, ежечасно что-то трещало, пело «Естудей» и пипикало.

На заре Томаш, вращая красными и опухшими глазами сказал, что у него созрел простой и эффективный план. Предложенная операция была разработана в стиле Томашвили и заключалась в следующем: приехать на толкучку, отловить первого попавшегося спекулянта, отвести его за угол, крепко ударить по голове, забрать имеющиеся у него часы и… изо всех сил бежать по направлению к ближайшей канадской границе.

«Том, - охладил я его боевой пыл, - неужели ты думаешь, что после этой аферы, нам так просто дадут уехать из города!? В таком случае ты плохо знаешь местные обычаи и нравы. Надо придумать что-нибудь поэлегантнее.»

Голь на выдумки хитра! И мы сообразили вот что, - из куска тряпки быстренько соорудили в сумке двойное дно, сверху положили неисправные часы и пошли на базар. Все было просто, до безобразия! Итак, мы договаривались с продавцом на покупку десяти будильников. Брали, проверяли и незаметно совали их в потайное дно, а деньги отсчитывали за семь штук часов.

Естественно, пересчитывая купюры, клиент замечал недодачу, и мы, в свою очередь дико извиняясь, возвращали трое часов, на которые у нас, якобы, не хватило денег. Какие именно это были будильники вы уже догадались! Слава Богу, операция прошла удачно и таким образом был заменен почти весь бракованный товар.

Возвратившись в Днепропетровск мы сдали в комиссионку нашу добычу, а затем целый месяц стригли купоны. Мой навар составил около 600 рублей. На эту гигантскую сумму, я приобрел «шикарный» корейский магнитофон. И вновь засобирался во Львов.

Из нескольких совершенных туда коммерческих рейсов, примечателен был, разве что еще один. Это произошло тогда, когда с нами поехали Алик Н. и Танька П. Причем, запомнился этот вояж тем, что во-первых Алик панически боялся ментов и все время пытался всучить мне в руки торбу с товаром. И во-вторых, что мне «посчастливилось» побывать на уркаганской блат-хате и благополучно уйти оттуда.

Об этом немного подробнее. Иногда у меня бывает такое состояние, когда чувство опасности притупляется, но до такой степени, как это произошло тогда, еще притуплений не было. Дело происходило так. На толчке ко мне подошел невзрачного вида мужичек и, узнавши, что я желал бы приобрести часы, пригласил меня к себе на квартиру, - посмотреть товар. Мы долго брели по каким-то переулкам пока, наконец-то, подошли к двери с электрическим кнопочным замком. Однако, хозяева видимо не очень-то доверяли современной охранной технике, и на всякий случай привесили снизу еще и гигантский амбарный замок. После хитрых манипуляции дверь открылась и я оказался в полутемной прихожей (между прочим, далее этой самой прихожей меня не пустили). Мой проводник куда-то исчез, а на горизонте замаячил здоровенный мужичара, который все время что-то жевал и демонстративно помахивал огромного размера поварешкой. Этот человек, создавал впечатление здоровяка, который не разжевывая проглотил полосатый астраханский арбуз, и который, все свои денежные сбережения перелил в пиво.

«Часы надо?» - между двумя смачными отрыжками спросил он. «Ага.» - ответил я, и стал нащупывать в кармане перочинный ножик, хотя прекрасно понимал, что вражеской поварешке мой нож не конкурент.

«Ну чтож, выбирай» - и амбал широким жестом вывалил на тумбочку десяток часиков. Я стал проверять их музыкальные способности, - исправными оказались лишь два будильника.

«Они хорошие, утром еще пели!» - наседал на меня продавец.

Хм, гениально, - мне предлагали гнилой товар, и я в то же время не мог от него отказаться. Все это начинало смахивать на грабеж, но грабеж нового типа, нового мышления.

«Какой же ты привередливый!» - продолжал плести свою паутину этот толстый психолог, - «Тогда купи джинсы!»

С этими словами, он выдернул из какого-то настенного шкафа нечто отдаленно похожее на продукцию Л.Страуса. Видимо, мама этих штанов долго работала половой тряпкой в казарме. Я вежливо отказался, сославшись на свой классический стиль ношения одежды. Толстяк тут же стал убеждать меня, что «варенки» уже не в моде и весь цивилизованный мир носит «жаренки». Да, он так и сказал - «жаренки». Я потихоньку стал пятиться к двери, - такие джинсы мне носить не хотелось.

«Пузырло, ты скоро?» - вдруг раздался нетерпеливый голос из кухни, - «Давай побыстрей, пора обедать!»

«Пузырло» сразу как-то обмяк, взял с меня деньги за двое часов и отворил входную дверь. В лицо мне ударил пьянящий воздух свободы… Вырвавшись на волю, я пошел в сторону базара, нервно подсмеиваясь над своей легкомысленностью. А в это время, два каких-то местных фраера терпеливо обрабатывали Алика Н. Один из мошенников держал в руках приличного вида куртку, а второй изображал из себя поляка, который ничего не понимает по-русски. Этот «поляк» просил за куртку 1000 злотых, а доброжелательный переводчик доверительно сообщал Алику, что он знает место, где можно обменять рубли на польскую валюту, по курсу 300 руб. за 1000 злотых. Почему же «иноземец» не хотел брать червонцы никто объяснить не мог. А ведь в то время подданные Польши, почти также любили советские дензнаки, как и американские доллары (доллар, как говорил Ходжа Насреддин, это такая зелененькая таньга).

Я знал, чем заканчиваются подобные махинации, и поэтому силой оторвал Н. от этих артистичных ребят. Алик чуть не плакал, ему очень хотелось приобрести эту куртку. И что бы его как-то успокоить я промоделировал ситуацию, которая произошла с ним дальше, если бы я его не спас:

Во- первых, «поляк» забрал бы куртку и исчез, договорившись с тобой встретиться на этом же месте, через час;

Во- вторых, тебе обменяли бы 1000 злотых на твои 300 рублей;

В- третьих, в условное место никто не явился бы;

Ну, и наконец, в-четвертых, официальный курс обмена следующий - 3 руб.40 коп. за 1000 злотых. В итоге тебя, милый друг, надували на 296 руб.60 коп.!

Ну что, вкурил?

Слезы высохли, щечки порозовели, сопли утерлись, - значит вкурил! Да, надобно держать ухо востро - на рынках крутилось много шустрых ребят (как впрочем и сейчас). Меняются лишь лица, а мир остается прежним. И все-таки, как бизнесмены, мы мелко плавали. Купим, бывало, с десяток электронных часов и премся от счастья, как бешенные лоси по кукурузе. Лишь по случаю мы узнали, что такое настоящий размах. Однажды, на вокзале менты замели одного из наших товарищей (прошмонали у него в сумке, и нашли будильники). Так вот, когда его приволокли в «контору», то там трясли двух парней из Средней Азии, - они везли 2000 шт. часов. Оперативники завалили ихним товаром весь стол, и жалкая кучка семизвонных будильников нашего коллеги, смотрелась так же смехотворно, как сопка на фоне Джамалумгмы. Однако, милиционеры и тут не побрезговали, взяли с него в обмен на свободу одни часы. Их можно понять, они крутили свой бизнес. От меня вам привет, внучата Дзержинского.

РАЗВЛЕЧЕНИЯ.

Развлечений было не много, но они были. Как-то получалось у народа устраивать себе маленькие безобидные праздники. Одним из них, были организованные походы на пиво. Надо отметить, что г.Днепропетровск сезона 1982-85 гг. славился изобилием пивных точек. Все бары имели в народе громкие и звучные имена, типа «Цепи», «Дюймовочка», «Баррикада», «Олимпийский» и т.д. Кстати, «Олимпийский» имел такое оригинальное название (казалось бы совсем далекое от пивных страстей) потому, что часть стены возле бармена была импозантно украшена резной плиткой со спортивной символикой. Этот бар, запущенный в серию в предолимпиадье-80, по замыслу дизайнеров должен был привнести в затуманенные мозги «синяков» определенную стройность мысли. Надо сказать, этого они достигли. Почему-то, именно в этом питейном заведении частенько устраивались соревнования между любителями пива и профессионалами. Правила были просты: кто больше всех проглотит бокалов и не уссытся при этом - тот и победил.

Некоронованным пивным королем бара «Олимпийский» был Петя. Его чрево спокойно могло конкурировать вместимостью с пивной бочкой. Когда он залпом выпивал пять кружек подряд и после этого выдавал протяжную отрыжку - начинали дребезжать стекла во всем микрорайоне. Но если Петя был некоронованным королем, то Лелик был королем коронованным. Когда он появлялся в пивбаре и ломился к стойке с распределительным пивкраном, то ассоциировался с дредноутом, расталкивающим жалкие рыбацкие шхуны. Перед Леликовскими жизненными козырями (багрово-бычья шея, многотонный живот, бугристо-сизый нос и многие другие интересные подробности) Петя как-то тушевался и завистливо рыча, уползал в самый темный угол пивбара. Он несколько раз пытался вспыхнуть путчем и сместить Лелика с трона (читай: от крана). Но, увы, когда на очередном турнире, после 15-ти бокалов Петин мочевой пузырь начинал изнемогать, Лелик спокойно выпивал, сверх этого, еще три литра пива. За оскорбление нанесенное «Жигулевскому» он мог убить. В поглощении этого пенистого напитка, Лелик был тем, кем для футбола является Пеле, для шахмат - Каспаров, а для Америки - президент. Такие рождаются один раз в 125 лет.

У каждого института были свои любимые места отдыха. У ДМетИ им. Л.И.Брежнева этим местом значился пивной павильон «СИВАШ», получивший такое название от Севастопольского

парка, где он был расположен. А Севастопольский парк, в свою очередь, имеет такое наименование потому, что находится на месте бывшего кладбища, где были похоронены в XIX веке герои Севастопольской эпопеи, которые тщетно лечились в местных лазаретах.

Возле каждого пивбара всегда крутилась какая-нибудь личность, которая придавала этому месту неповторимый антураж. В «Дюймовочке» это был профессорского вида дедушка - он допивал оставшееся в бокалах пивцо и витиевато рассуждал о жизни. В «Автоматах» имелся мужичек, за 15 копеек, приличным голосом, исполнявший народные песни. А визитной карточкой «Сиваша» была бабка, продававшая вяленную рыбу. Особенностью ее товара был дурной запах и наличие опарышей. Я вообще-то подозреваю, что старушка собирала свой улов во время великого мора рыбы. Эти сомнения появились у меня после того, как она случайно сболтнула, что отмачивает рыбу в растворе марганцовки. Для чего? С какой целью? Вы были на Лубянке? Впрочем, личинкам большой зеленой мухи бабушкина дезактивация была по-фиг. Так же глубоко по-фиг, было и завсегдатаем «Сиваша» - они считали, что рыбка имеет приятный душок, а на опарышей вообще не обращали внимания. Затуманенные мозговые извилины этих парней воспринимали окружающий мир сюрреалистически. Так сказать, сквозь призму бокала. Между прочим, сейчас мало какой пивбар может похвастаться сервировкой столов бокалами. Нынче любители пива всех мастей потребляют сей благородный напиток из баночек, заботливо принесенных с собой из дому. И издалека это зрелище очень уж напоминает дегустацию мочи. А раньше, бывало, я раз в месяц обязательно брал из бара пару пустых кружек и волок их к себе в общежитие. У нас считалось особым шиком пить чай из стыренных пивных бокалов.

Говорят, у немцев по стандарту, пена должна стоять ровно 4 минуты 15 секунд. У нас же, по Уголовному кодексу, пивная пена должна таять, чем быстрее, тем лучше. Иначе, может случиться «синдром недолива», а это - мордобой, матерщина и подпольное обогащение бармена. Чтоб вы знали, первые люди, подвергшиеся рэкету в Стране Советов, были именно бармены из пивных ларьков. Но это так, к слову.

Обычно, на столиках у клиентов стояла пара бутылок водки. Казенку можно было приобрести в баре, а можно было принести с собой. Мы, бедные студенты, вынуждены были брать «пузырь» в соседнем гастрономе, потому что в «Сиваше» он стоил на рупь дороже. Это была одна из статей дохода бармена.

Пиво сближало людей и делало их добрей и чище.

Вспоминаю изначальные дни первого курса.

…Сижу я на практических занятиях по немецкому языку, ничего и никого вокруг не знаю, а рядом еще преподаватель бубонит незнакомые слова. Одним словом, настроение как у собаки, перед медицинскими опытами д-ра Павлова. Как говорил классик: «Хочется бежать, но некуда.» Тоска! Неожиданно, ко мне за парту подсел парень с добрыми и слегка печальными глазами. Он улыбнулся и предложил прогуляться по злачным местам города Днепропетровска. Это оказался Серега К.

Светило солнышко, студенты толпами валили с занятий и первым же очагом разложения оказался «Сиваш». Мы взяли по два бокальчика пива, тарелку вонючих котлет и на десерт пачку папирос «Шахтерские» (по цене 10 коп.). Я оглядел стол, - в воздухе витал запах кайфа, густо замешанный на пивном духе. Вот так, - попивая «Ячменный колос», покуривая «Шахтерские» и жуя котлеты, нам ничего не оставалось более, как сидеть и обсуждать наших сокурсников. Сошлись в одном - девочки на курсе, оставляют желать лучшего и большего. Помолчали. Как-то ненавязчиво захотелось водки. Серега сбегал на проспект в гастроном за бутылкой. По возращении, был изготовлен «ерш» и хладнокровно випит. Затем, заглянув друг другу в глотки и увидев, что котлеты плавают в опасной близости к входу, мы вынесли вердикт: «Норма!» У К., когда он хорошо принимал на грудь, обычно слабели ноги и к походке примешивалась некоторая нервозность и суетливость.

Стало темнеть, а это верная примета, что бар скоро закроют. Возвращались домой мы уже на автопилоте, причем амплитуда была по касательной ко всем встречным деревьям. А деревьев в Севастопольском парке, ох как много…

Междускриптум: Пивбары, как и корабли, зачастую оправдывают данное им имя. Во времена свирепствования Перестройки, когда питейные заведения погибали, как мухи, наш «Сиваш» выдержал этот очередной штурм красных. Полусухой закон Горбачева рухнул, как подкошенный, перед его неприступными, заваленными рыбьей шелухой и залитыми пивными лужами, столиками.

Но не только передовая часть советской молодежи любила побаловаться пивком. Почитали это занятие и многочисленные преподаватели нашего ВУЗа. Бывало, в погожий весенний денек, смоемся всей группой с практических занятий, а вслед за нами, глядишь, семенит преподаватель. Он тоже значит человек, и ничто человеческое ему не чуждо. Особенно пиво!

Был случай, когда мы организовали «Конгресс пивоманов». Выработали концепцию и Устав, который состоял из трех пунктов:

1. Вступительный взнос 5 рублей.

2. Быть одетыми в смокинги и тринкены.

3. Регулярно посылать Иванова Я.А. к родителям за вяленой рыбой (я с батей ловили за лето два мешка верховодки). Устав соблюли четко и Конгресс удался на славу.

Только, ради Бога, не подумайте, что вся студенческая жизнь это сплошная пьянка! Нет! Мы еще любили поиграть в карты. В особом почете был преферанс. О, преферанс - игра попов и студентов, жуликов и адвокатов, диссидентов и номенклатуры. За этим занятием, да при хорошей компании, можно было просидеть всю долгую полярную ночь. Человек забывал про еду, про сон, а также про то, что утром надо бежать на лекции.

Расписывание «пули» было шикарным развлечением, находящимся на третьем месте после вина и секса. Чтобы придать игре азарта играли, обычно, полкопейки за вист. В итоге, сумма выходила мизерная, но сколько острых ощущений, сколько эмоций наворачивалось в душе.

Вообще- то, бывали времена (эдак IV -V курс), когда распорядок дня у меня выглядел примерно так:

09- 00 -12-00 - посещение института.

12- 00 -12-30 - обед.

12- 30 -14-30 - полуденный сон.

14- 30 -16-30 - спортзал (работа над собой).

16- 30 -18-00 - заглядывание в учебники или отдых, а также легкий полдник.

18- 00 -19-00 - игра в футбол.

19- 00 -19-30 - чтение прессы.

19- 30 -20-00 - ужин.

20- 00 -21-30 - преферанс.Part one.

21- 30 -23-00 - преферанс.Part two.

23- 00 -01-00 - преферанс.Part three.

01- 00 -01-30 - расплата с карточными долгами (или наоборот).

01- 30 -07-30 - глубокий сон (или приятное времяпровождение).

07- 30 -08-00 - утренний моцион.

08- 00 -09-00 - завтрак, лихорадочная подготовка к занятиям.

* * *

Дискотеки, начала 80-х годов, отличались простотой

информации и спартанской обстановкой интерьера. Например, дансинг в парке им.Шевченко (он же «Зверинец»), представлял собой железобетонированный котлован под открытым небом, огороженный со всех сторон решетками. Когда начинались танцы, то вокруг ограждения собиралось больше народа, чем помещалось внутри его. Так что часть публики развлекалась за деньги, а остальная часть развлекалась с публики, которая развлекалась за деньги. Гвоздем программы были зажигательные номера, исполняемые «лицами кавказкой национальности». Они, видимо, крепко бухнув в находящемся поблизости ресторане «Маяк», выходили размяться на дискотеку и поплясать свои народные танцы. Когда начиналась эта потеха, народ из-за решетки восхищенно бросал вниз от 3-х до 15-ти копеек. Мелочь сыпалась дождем, и раззадоренные сыны гор плясали от души, правильно предполагая, что таким образом публика выражает свое удовольствие.

Зачастую, на дискотеках устраивались драки, и в таких случаях зевать было опасно. Тут вступало в действие конкретное правило: «Лучшее нападение - это убежать!». К слову сказать, на различных танцплощадках отрабатывали приемы и тактику разгона демонстраций курсанты милицейских училищ. Все происходило примерно так: под видом хулиганов, в толпу веселящейся советской молодежи, засылалась пара ментов и провоцировалась драка; дискотека мгновенно оцеплялась и лабораторная работа начиналась. Под конец приезжал «воронок» и забирал тех, кто уже не мог подняться. На граждан, которых они подбирали (независимо от того, участвовал ли этот человек в драке или случайно попал под крепкий удар) в итоге выписывался штраф и посылалось письмо на место учебы или работы. А из-за такой вот «телеги», очень даже просто можно было вылететь из института или лишиться стипендии. Вот такие дела.

Надо признать честно, в Днепропетровск любила приезжать тренироваться молодая поросль советской милиции со всего СССР. Чем-то был привлекателен этот город нашим стражам порядка. А чем, именно, - они и сами не могли ответить.

* * *

Неплохо выглядела дискотека в инженерно-строительнои институте, - более менее благородно и чинно. У нас же в

Металлургическом то, что устраивалось на третьем этаже общежития N 5 можно было назвать дискотекой, лишь с очень большой натяжкой. Холл, где устраивались танцы, напоминал плацкартный вагон. И вот в этом, тамбурного вида помещении, под гупатение динамиков толкалось, эдак, человек 200-ти. Наверняка, каждый из присутствующих (вне зависимости от пола, расы и вероисповедания) потел, порыгивал, попердывал, а помимо всего прочего еще и дышал. Представляете теперь, какая там стояла дружеская атмосфера? Однако, народу нравился этот дискотечный угар, и все веселились до полного изнеможения. И вообще, самое веселое в жизни занятие - это веселиться! Ультрамодным танцем был брейк с социалистическим уклоном. То есть считалось неприличным изображать роботов или еще каких-нибудь капиталистических терминаторов. Популярно было демонстрировать из себя землекопа или еще кого-нибудь из среды люмпен-пролетариата. И когда вся танцплощадка начинала танцевать в едином ритме, то обстановка становилась похожей на ударную комсомольскую стройку начала 30-х годов. Примитивно, конечно, но зато от души!

Дискотеку вел парень по прозвищу Джон, который почему-то не любил rock-n-roll, а предпочитал крутить песни, типа «Акапулько» и «Казино» (прошу не путать с хитом Добрынина). Светотехническое убранство нашего клуба, состояло из лампы, покрашенной в зеленый свет и подключенной к электросети через стартер.

Вот так, под аритмичное мигание фонарика, мы терлись друг о друга, потными спинами и грудями, и наивно предполагали, что так должно развлекаться все прогрессивное человечество.

* * *

Ага, значит так, про пиво и танцы уже рассказал. А как же еще можно развлечься бедному студенту? Правильно, - сходить в кино. Самыми посещаемыми в среде студентов считались кинотеатры «Родина» и «Сачок» (да, да! Тот самый, что возле Горного института и обкаканного голубями Ломоносова). «Сачок» был печально известен тем, что во времена андроповщины в нем часто бывали комиссии из различных вузов, с целью отлавливания сачкующих занятия студентов. План налета был следующий: по средине сеанса в зале неожиданно врубался свет, блокировались двери «Вход» и «Выход», и представители

институтских ректоратов начинали проверять студбилеты, сверяя их, заодно, с курсовым расписанием занятий. Обычно, после этих рейдов зал пустел, и киномеханик досматривал фильм в гордом одиночестве.

Кстати, никто не помнит изначальное название этого кинотеатра, но весь Днепропетровск знает, что это заведение зовется «Сачок». Не одно поколение прошло через его кассы, принося государству неслыханные барыши.

Мне и Томашу нравилось посещать две категории кинофильмов. Это - патриотические ленты и шедевры индийского производства. И на те и на другие «произведения» мы шли, что бы от души посмеяться и как следует отдохнуть. Однажды, за это нас даже выперли из кинотеатра, но мы продолжали ржать по инерции еще несколько минут. Почему это произошло? Судите сами. В «Родине» крутили обычный воспитательный кинофильм о революции и ее героях. Смысл был следующим: в большую сибирскую деревню приезжает молоденький комиссар, что бы сжить со свету кулаков-кровопийц. Кулаки, естественно, упираются и решают убить молоденького комиссара. Они подло стреляют ему в спину из обреза и смертельно ранят. Одна добрая девушка (дочь кулака), сходив пару раз в избу-читальню и всосав суть революции, сдает своего папашу в ЧК и, полюбив молоденького комиссара везет его на бричке в лазарет, по дороге этот паренек все время повторяет в бреду: «Ленин, партия, ком-со-мол! Ленин, партия, ком-со-мол!» Как заведено, в советских фильмах, главный герой в финале погибает, а полюбившая его девушка одевает кожанную тужурку и идет работать в органы. Что здесь смешного, спросите вы? А все дело в том, что в кадр попеременно попадали, - то трактор «К-700», то опора высоковольтной ЛЭП, то дорожный знак «STOP». Слезы, застилавшие глаза пожилым ветеранам и сердобольным старушкам, может быть и скрадывали все эти декорации, но нас (увы!) это очень смешило!

Примерно так же воздействовали на меня и индийские фильмы. Кстати, а знаете ли вы градацию, используемую в наших кинотеатрах? Если нет, то вот она:

Есть фильмы

1. Хорошие.
2. Средние.
3. Плохие.
4. Индийские.

Обычно, когда крутили индийскую продукцию, сбегались цыгане со всей области. Они приносили с собой кассетные магнитофоны и записывали из зала бравые восточные песенки. Но уже то, что события всех кинолент развивались по одному сценарию, вызывало у нас с Томашем дикий смех. Разве можно не веселиться с такого?

Как вы помните, кино в СССР было истинно народным зрелищем. Очереди, выстраиваемые у билетных касс, ничем не уступали нынешним у бензоколонок. Стройными колоннами, шагом и перебежками, массы валили в кинотеатры. При такой скученности, стоять в очереди нам было просто облом. И поэтому была разработана, почти безупречная, одноходовая комбинация: мы подходили к началу очереди, выбирали девчонок с невзрачной внешностью и, томно стреляя глазами, просили взять нам пару билетов. Обычно, нежный нажим двух слегка не бритых мужчин, не оставался незамеченным. Издержками же производства считалось то, что приходилось весь сеанс просидеть рядом с нашими визави. А чего не сделаешь ради искусства?

* * *

Еще одной возможностью приобщиться к западному образу жизни и слегка выпустить из себя пар, были организованные вылазки на концерты ВИА (слово «рок-группа» слыло ругательным и запрещенным). На этих мероприятиях хорошим тоном считалось, быть слегка навеселе и орать до потери голоса. Приветствовались и другие шумовые эффекты, а именно: гудение в пионерские горны, свистение в милицейские свистки и использование трещоток. Собственно говоря, музыка, как таковая, мало кого интересовала, - людям нравился сам процесс рок-концерта.

Во всей этой какофонии звуков, Томаш стоял обособленно. И основывалась эта обособленность тем, что отец Сереги принес сыну настоящий паровозный гудок. Инструмент этот обладал

такой частотой и силой звука, что извлекаемые им децибелы, без особого труда разогнали бы стаю очень диких африканских слонов.

Когда на фоне общего гула Томаш начинал исполнять свою нехитрую трель, то музыканты на сцене шарахались и нервно переглядывались. Не знаю, но мне до сих пор кажется, - ребята из ВИА опасались, что это сработал один из сигналов ГО. К сказанному, остается добавить, что сперли у нас этот рожок на концерте «Автографа».

Милиционеры на этих культурных мероприятиях оттягивались во всю. Им было дано строгое задание: «Чем больше выведите из зала человек, тем эффективнее ваш труд!» А выпроваживать можно было за все, что угодно: за свистение, за крики «браво!», за размахивание разноцветным шарфом, за выбритые виски и т. д. STOP! Выбритые виски, - вот про что я еще не рассказывал. О, эта прическа всегда шла отдельной статьей. И ниже поведаю почему.

В общем- то, жизнь всех поколений советских людей, в большей или меньшей пропорции, зависит от символов эпохи. Назову лишь некоторые из них: серп и молот, индустриализация, «Чапаев», оккупационная группа войск в Германии, «Рио-Рита», спутник, «хрущоба», Ю.А. Гагарин, ботинок генсека в ООН, банки черной икры в магазинах, дешевая водка, «Малая земля - Возрождение - Целина», дорогой и любимый Леонид Ильич (чмок, чмок, чмок!!!), стиляги, БАМ, джинсы…

У - у - у - у - у! Д Ж И Н С Ы! Не могу не сказать о вас пары ласковых слов. Ведь этот вид одежды был верхом моды в Стране Советов и признаком материального благополучия.

Это было время настоящей «джинсовой лихорадки». Штаны становились объектами обмена, залога, шантажа, обмана, завещания, аферы, приданого и пр. пр. Единственное, о чем умоляли дети, едущих по турпутевке за границу, родителей, так это о том, что бы те не забыли привезти джинсы. Светские разговоры со счастливчиками, побывавшими в Югославии, Румынии или Польше, неизменно сводились к одному, - продают ли там «LEVIS» или «WRANGLER», и по чем? Описание джинсовых пластов, загромождающих прилавки магазинов, оттесняли на третий план достопримечательности и экзотику, посещаемой страны. Вот так-то! Многие девчонки, хвастаясь подругам о своих парнях, неизменно сообщали в конце разговора, что это крутые ребята, т.к. они носят джинсы. В портовых городах, типа Клайпеды и Одессы, иностранные моряки могли заманить в кусты любую местную красотку (за гонорар в виде трущихся штанов). Наши же советские контрабандисты-матросы, чтобы пройти

таможню, натягивали на себя до пяти пар джинсов. И можно было наблюдать занятную картину, когда колонна моряков во главе с капитаном, еле передвигая ноги, брела на таможенный досмотр.

Цена по всему пространству СССР установилась в пределах - 200 рублей. Главным условием для качественных джинсов было то, что они должны быть «трущимися». А потираются штаны или нет, проверялось при покупке очень просто - послюнявленной спичкой. Ею терли по лицевой стороне джинсовой ткани, и если спичка синела - то это значило, что со штанами все о'кей.

По гуманным советским законам, торговля импортными изделиями из джинсовой ткани являлась спекуляцией и уголовно преследовалась. Но, во всех крупных городах существовали черные рынки, где можно было приобрести «Wrangler», «Levi's», «Montana». На этих базарах процветало «кидалово». Самым распространенным был следующий метод: жулики разрезали джинсы пополам и так ловко упаковывали эти половинки в целлофановые пакеты, что создавалось впечатление целых штанов. Затем, они подбирали простоватого клиента и украдкой показывали ему классические джинсы заведомо меньшего размера и говорили, что такие же штаны, но большего сайса находятся у их товарища рядом за углом. И, как бы между прочим, намекали, что надо быть начеку и опасаться милицейской облавы.

За углом их (естественно!) ждал парень с сумкой. Он доставал пакет с одной штаниной, брал у клиента деньги, торжественно вручал лопуху покупку и сам же предлагал померять джинсы. Но, как только простофиля начинал распаковывать пакет, из-за угла выскакивал подельщик аферист и, выпучив глаза орал: «Шухер! Менты! Ховайся в кукурузе!» Здесь-то у всех советских срабатывал железный рефлекс - если человек так истошно кричит, то надо смываться. И клиент, ухватив покупку, бежал в одну сторону, а жулики (с деньгами и хохоча!) в противоположную…

А сколько ходило легенд, анекдотов, загадок и сплетен вокруг этих штанов. Сложился целый эпос! Минздрав, например, утверждал, что ношение джинсов также вредно, как и курение. Они, видите ли сжимают кровеносные сосуды на ногах. Или, чего стоит загадка: «Назовите дефицит в дефиците?» Ответ: «Девочка в джинсах!»

А вот и анекдот той поры:

Скачет по прерии ковбой, а за ним гонится куча индейцев. Ну, думает этот янки, вот и пришел мой конец! Когда слышит, Внутренний Голос советует ему: «Останови коня, сними штаны и повернись голой попой к индейцам!» Как только ковбой выполнил

эти пожелания, так «хрясь!!!» - в задницу врезался томагавк.

А- А-А! Ой-Ой-Ой! -завопил он.

И тут- то Внутренний Голос ему говорит: «Ну, чего ты разорался? Зато Джинсы целы!»

А у нас в ДметИ один преподаватель нашел очень эффективный способ для привлечения внимания студентов. Если, читая лекцию, доцент замечал, что аудитория его не слушает и отвлекается, он делал паузу и неожиданно громко произносил: «Джинсы!» зал мгновенно замолкал и студенты уже внимательно смотрели на находчивого преподавателя…

Я уверен, что если провести социологический опрос населения, на тему: «Что для Вас является символом эпохи конца 60-х и начала 80-х годов?», то среднестатистический ответ выглядел бы так: «Брежнев и джинсы».

Ну- ка притормози Яша! Что-то тебя понесло не в ту сторону, -обещал рассказать о выбритых висках, а сам намолол всякой чепухи о джинсах. Нехорошо обманываешь.

Итак, аксиома: «Выбривание волос на висках, выше уровня верхнего изгиба уха, считается криминалом и подлежит преследованию, с криками: - шаг влево, шаг вправо и я стреляю!» Бред параноика, - скажете вы. Отнюдь, за такую приверженность к высокой моде, можно было серьезно пострадать, как морально, так и физически. Сутью этой парикмахерской дилеммы вплотную занимались: милиция, КГБ, обком, профком, ректорат и отдельные сознательные комсомольцы.

Ума не приложу, кто же сумел убедить наше прогрессивное общество в том, что виски выбривают только панки и неофашисты. Но тем немение, исходя из какой-то, одним им известной установки, комитет ВЛКСМ нашего вуза многозначительно бродил по коридорам и бдительно всматривался в длину бакенбардов подшефных студентов.

В ячейках были экстренно проведены комсомольские собрания, на которых призывалось проявить бдительность и помочь следственным органам найти парикмахерскую, где какой-то еврей, за большие деньги, делает прически «а ля панк». Так же, с полным серьезном, рассказывалось, что в парке отдыха им. Т.Г.Шевченко, была изловлена группа девушек (конечно же с выбритыми висками!), у которых на трусиках была вышита свастика… Но, что самое интересное, - мы верили всей этой бредятине! А что оставалось делать? Ведь это был период расцвета андроповщины, когда очень уж поощрялся долбоебизм. Быть «отмороженным» было даже модно. Чем тормознутее гражданин, тем лояльнее он считался для государства. Вспомните культуру начала 80-х. Глядя в телеящик, у меня создавалось

впечатление, что нас считают конченными дураками, которым можно втирать в мозги все, что угодно и помногу. Ага, вот как раз вспомнился один забавный эпизод, очень характерный для того времени:

«За период 1982 - 1987 гг. у всех комендантов, завхозов, студсоветов и прочих примитивных личностей пятого общежития, было заветное желание: ВЫСЕЛИТЬ ИВАНОВА Я.А. ТОМАШВИЛИ С.В. ИЗ ЗАНИМАЕМОЙ ИМИ ЖИЛПЛОЩАДИ В КОМНАТЕ N 436. Почему-то, именно на нас оттачивали свое мастерство вышеперечисленные организации. А ведь все было просто из-за того, что мы сделали в комнатенке капитальный ремонт, а именно: побелили потолок, покрасили пол, довели до ума окно и дверь, наклеили обои, повесили шторы и купили холодильник «Кристалл-4». Собственно говоря, сделали из говна конфетку. В те мгновения, когда ремонтные работы были в самом разгаре, комендант и завхоз ходили и подбадривали нас, обещая при этом, что не будут в последствии переселять нас из комнаты в комнату. Но, как только был уложен последний кирпич, забит золотой костыль, перерезана красная ленточка и проведен банкет, так сразу же явились представители местной администрации и скромно предложили нам переселиться в другое помещение. Наверное, таким образом они хотели отремонтировать, со временем, все общежитие N 5? Что ж трудно упрекнуть этих товарищей в отсутствии логического мышления! Но, увы, их мечтам не суждено было свершиться, - по хорошему, уходить из полюбившейся нам комнаты ни я, ни Томаш не собирались. Ах, какую только тактику не применяла комендантша, какие только свинства не придумывала, - и аморальные мы, и пьяницы, и сорим сверх меры, и вовремя не сдаем белье в стирку, и т.д. и т.п. Однако, причины этой аномалии лежали, как говориться, на поверхности. Здесь одно из двух, - или из нашей комнаты хотели обустроить место для любовных утех общаговских бонз, или же думали соорудить Ленинскую комнату. Ведь аккуратность исполнения и ядовито-розовые обои, как раз способствовали предполагаемым метаморфозам. Постепенно стремление выселить нас превратилось в местный обычай. Менялись коменданты и проректоры, завхозы и кастеляншки, даже стал меняться общественный строй, а идея продолжала жить. Последняя (148 -я по счету) попытка была предпринята, когда я и Том уже учились на пятом курсе. И совершил ее человек со странной фамилией, - не то Рева, не то Реба, а может быть и Репа (не помню уже). У него была должность, что-то вроде «Главного специалиста по общежитиям ДМетИ.» И заняв ее, он сразу же выразил желание показать свой крутой ндрав и далеко идущие

цели. А для этого требовалось немедленно провести какую-нибудь неординарную акцию. Собрав свой гениальный генштаб, великий комбинатор Репа не нашел ничего лучшего, как предпринять очередную попытку расправиться с непокорными жильцами из 436-ой. Для исторической справки добавлю, что с нами (за компанию) пытались выселить и Гарри (жителя далекой и загадочной Керчи).

Ультиматум нам принесла какая-то «шестерка» из студсовета. Бросив на пол «черную метку» и крикнув: «Парламентеров не бить!», эта личность быстро скрылась за дверью. А перед нами осталась валяться бумажка с напечатанным приказом. И если опустить преамбулу, пропагандистскую шелуху и орг.выводы, то суть сводилась к следующему: «Студентов V курса ПТЭ-82, а именно И.Глухенько, С.Томашвили и Я.Иванова из общежития изгнать…!» Эвона как! Так, под шумок, могут сорвать золотые эполеты, сломать над головой шпагу и лишить дворянства.

Прочитав эту ахинею и убедившись, что бумага жесткая и для сортира не годиться, мы решили нанести Репе ответный визит.

«Специалист по общежитиям» вальяжно восседал в своем кресле, окруженный челядью, и сквозь зубы отвечал на наши вопросы. Головным эшелоном мы запустили Гарри, который обладал уникальной природной способностью общаться с подобными типами. Но, увы, после первых же слов исторгнутых из себя Репой, мы поняли, что перед нами сидит человек со «шлагбаумным» мышлением и большим рычагом тормоза в одном интимном месте, а именно в голове. В общении с ним, даже Гарри был поражен его ортодоксальностью и твердостью духа. На многократно заданный нами вопрос: «Так почему же нас на V курсе института выселяют из общежития?»

«Специалист» строго отвечал: «А вам зачем это знать?» Эх, гондоны бы делать из этих людей, - никогда не рвались бы!

Получасовая аудиенция подходила к концу, и требовалось кому-нибудь подвести общее реноме. Это взял на себя Томаш. На очередной выкрик Репы: «Чтоб через пять минут и духу вашего здесь не было!», Томаш вздохнул и крепко по-солдатски ответил: «Пошел ты на х…!»

Вот на таких «спецов» делала ставку наша партия и правительство. Люди вышеприведенного образца и составляли «посевной генофонд» нашей советской номенклатуры. И если кто-то думает, что после перестройки, что-то изменилось в сознании данных индивидуумов, то он коренным образом ошибается. «Ведь ветры с Востока сильнее ветров с Запада, и значительно холоднее…» (Мао Дзедун,пол.собр.сочин.,т.II, стр.148).

Вот вы читаете, наверное, мой опус и думаете: «Неужели на

заре восьмидесятых не было хороших и добрых людей?» Конечно были! Но… исходя из фундаментальных законов физики, - на поверхности плавало одно говно (и причем слоем, толщиной в 1 метр). К тому же о хороших людях ставили фильмы, писали книги и снимали хронику. Восхвалению Передовых Членов Советского государства уделялось 80% эфирного вещания в программе «ВРЕМЯ». А как интересно было смотреть «Сельский час», «Глазами зарубежных гостей», «Ленинский университет миллионов», «По странам и континентам», «В мире социализма». Так, что материала, с лихвой, хватало на председателей колхозов, космонавтов, геологов и прочих знатных личностей. А я, уж не обессудьте, пишу не о них, а о студентах. Студент - это особое состояние человеческого организма, подобное первым ощущениям взрослой жизни.

* * *

Как- то раз мы сидели на лекции, которую читал доцент Воха К. Кстати, Вольдемар -человек эрудированный, но к тому же обладающий удивительным красноречием. Он владел уникальной способностью произносить фразу из семи слов в течение 10 минут. Бывало, насмотревшись картин Сальвадора Дали, и освободив свои мысли, я представлял, что у Вохи рот зарос паутиной и слова прорываются через этот кордон, как осатаневшие от нудотности мухи.

Хм, к чему я написал этот абзац? Да так, вспомнил о человеке. Наверно он, до сих пор, промышляет преподаванием…

* * *

А вообще- то, чтобы определить уровень «говорливости» нации надо слушать то, о чем болтают в общественном транспорте. Вот, к примеру, несколько выхваченных из толпы пассажиров фраз:

*

…если бы в 1 литр бензина добавляли, эдак грамм 100 спирта, то и его пили бы!

*

…недавно дали в бригаду бабу, ну страшна, как доменная печь! Кто же ее, интересно, еб…т?

- Я, мужики. Я ее муж.

*

…так- с, стало быть, били в морду, как в бубен. Констатирую.

*

…слышал, Мишка Горбачев организовал благотворительный фонд, своего имени?

- Н-да, очень не типично для бывшего члена ЦК КПСС.

*

…вчера затащил в постель повариху из нашей заводской столовой.

- Ну, и как?

- Тьфу! Сношаешься, как на сковородке!

*

Вот таких изречений можно услышать за день не один десяток… и удивляться народной мудрости, и удивляться.

Некоторые любители настенной живописи умудряются внедрять свое искусство в нужном месте и в нужное время. 1 апреля 1986 года, я подхожу к дверям «Язвы», а на них висит лозунг: «Сегодня наша столовая работает на сэкономленных за

год продуктах!»

ГЛУПЫЕ ПЕСЕНКИ О ЛЮБВИ.

В общем- то, чтобы привлечь к себе внимание женского пола мужчины, во все времена и у всех народов, старались побеждать в войнах, наносить на свое тело татуировку, одаривать драгоценностями или, на худой конец, рвать пасти львам. Но тщательное изучение опыта предыдущих поколений привело меня к неожиданному выводу: «Несмотря ни на что, женщина любит ушами!» Ну, приятно! Ой, как приятно это необъяснимое чувство теплой лапши, лианами свисающей с розовых женских ушек. Загадочные души этих прелестных созданий, раскрываются синхронно со ртом, когда они слушают тонкое бахвальство какого-нибудь местного Казановы. У ребят, которые для охмурения избрали именно эту благородную стезю, было две темы для развития событий.

Первая - жалобная. Исходные данные: я бедный, несчастный; вырос в бурьянах; в детстве игрался лишь ржавыми гвоздями; курил капустный лист; был в плену, но выжил… О, ваша грудь, миледи, напоминает мне материнскую. Я немного прижмусь к вам, и мы полежим рядом просто… как муж и жена. Ну, понарошку, пожалуйста!

И некоторые барышни, утирая слезы платочком, велись на эти жалобные постанывания и, в принципе, готовы были накормить и обогреть страдальца.

Но это не наш путь! Не для этого я в юности читал и чтил Жюля Верна! И потому я избрал для себя вторую тему - героическую. Вот тут-то и остановимся поподробнее, благо пахал я эту целину не один раз и не одним быком.

Главное в нашем деле - эффектное появление центральных персонажей. Представляете: стук в дверь, вы отворяете, а на пороге… стоит 100 кг живого веса в джинсах и тельняшке на выпуск. Этот человек говорит: «Привет, Клава! С чем сегодня пирожки?», заходит в комнату, берет со стола бутерброд и грызет его. Затем в помещение вползает Томаш, - он тоже любит пирожки. У девчонок сперло дыхание.

Видя, что эффект произведен - мы начинаем общаться. Для общения существует два общепринятых способа: осада и штурм. Я по гороскопу Дракон, а это значит - бенгальские огни, фейерверки и изрыгание пламени. Теперь же слушайте, как надо рассказывать девушкам, что бы они сами просили вас остаться и никогда больше не уходить. Рассказ героический:

«Я и Томаш, перед поступлением в институт, служили в вертолетном дивизионе четырежды Краснознаменной особой

флотилии моря Лаптевых. Мы занимались выполнением строго секретных заданий. Суть нашей миссии заключалась в следующем: «5[K'DMUT89TNNXNKWS21ODFNMK0Д» (шифровка). Летим мы как-то раз на вертолете и контролируем, закрепленный за нами участок. Неожиданно всплывает субмарина, открывается люк, играет горн, на флагштоке поднимают сенегальский флаг и… по нашей боевой машине открывают огонь. Я делаю один вираж, второй. Вражеские копья и стрелы затмили небо, а мы, как два спартанских царя Леонида, продолжаем сражаться в тени. Вдруг, тупой удар в левый бок и стрелки приборов залихорадило. Особенно не повезло будильнику-хронометру, - от пережитого стресса, он стал наматывать два оборота в час. Кабина наполнилась едким дымом, да так, что пришлось включить вентиляцию. Не было лишним и то, что Томаш побрызгал вокруг освежителем для ванн и туалетов. Очумевшие часы показали, что прошло 10 (по старому 5) минут. Вроде бы обошлось… Но что это? Наш вертолет начинает терять высоту. Все ясно - у геликоптера пробит бензобак. Быстренько жуем жвачку и залепливаем последствия метких вражеских выстрелов. Однако, топлива почти нет. И что бы хоть как-то долететь до базы, приходиться слить в бак флакон одеколона «Kqlnische Wasser» и бензин из зажигалки «ZIPPO». Пролетели еще 70 миль, и опять стали падать в море.

* * * Справка Американского географического общества:

На основании спутниковых данных выявлено следующее. Море Лапте-

вых - очень холодное море. Большая концентрация всего белого. А,

именно - акул, медведей и, отбившихся от конвоя, врангелевских офи-

церов. Наиболее встречающаяся экстремальная опасность - при -40 С

говно начинает примерзать к заднице и при резких движениях можно

травмироваться. Зато тропических болезней нет. Нас учили танцевать

твист, что бы выжить на морозе. * * *

Что бы отбиваться от кровожадных северных оленей, летчикам нашей эскадрильи были вручены шашки (образца 1907 года) с гравировкой «За веру, царя и отечество» (говорят, эти рогатые бестии панически боятся такого заклинания). Для защиты от медведей в НЗ имелись священные шаманские бубны. И по инструкции, надо было с силой ударить зверя по носу, а затем быстро, быстро убегать, грамотно используя неровности и

складки местности. На всякий случай выдавались и лыжи, но горели они отвратительно…»

…Ну, ладно девчонки, уже поздно и мы уходим. Да и чай, что-то у вас не сладкий. Пирожков маловато. В общем, херня какая-то…

В ответ слышим стандартные предложения:

- Ребята сейчас мы поставим кофе и откроем сгущенку.
- У нас торт есть.
- А я домашнего винца припасла.
- Не уходите, расскажите, что же было дальше?

(А откуда я знаю, что было дальше, но вот торта охота!)

* * *

ВОЕННАЯ КАФЕДРА.

Кафедра, ах! военная кафедра, - единственное место в институте, где можно было дать временный отдых своим утомленным теплоэнергетикой мозгам. Но взамен приходилось выплескивать положительные эмоции и включать дремучие рефлексы. Однако, все это физика - закон сохранения энергии. Или говоря по-простому, по-солдатски: «В пустой стакан нальешь, а из порожнего не выпьешь!» Вся жизнь на кафедре, как впрочем и во всей армии, в целом состояла лишь из немногословных команд, нечленораздельных приветствий, емких нравоучений и повелительных призывов.

Преподавали на военке, в основном, лица предпенсионного возраста, чинами от капитана до полковника. Попадались среди них грамотные, знающие свое дело люди. Но в целом и общем, комсостав, как гавайский попугай, повторял зазубренные в течении многолетней службы догмы. Любимой фразой, так сказать рефреном, военной кафедры было: «Я за тебя буду думать, мне для этого погоны со звездами даны!»

Однако, с момента получения мною лейтенантского звания прошло уже более пяти лет (предусмотренных подпиской), и я смело могу выдавать все сказанные мне по секрету военные тайны. Одна из них, самая страшная, заключалась в том, что в ДМетИ готовили офицеров запаса танковых войск. Ух, камень с души упал, - столько лет держал я это в себе!

Люди, которые хоть раз, хоть чем-то соприкоснулись с армейским бытом, не могли не заметить какую огромную роль играют здесь спирт, водка и прочие стимуляторы. Например, экзамены на кафедре нашему взводу обходились в 2 бутылки «Столичной» и 5 бутылок минералки. Были, конечно, среди нас уникальные типы, которые не желали сдавать деньги на презент и полностью полагались на свои знания. ХА-ХА-ХА! О таких самоуверенных мальчиках, командир взвода доверительно сообщал подполковнику Н. (или майору Н.), экзаменующему взвод. А уж когда доходило до дела, то эти парни со звездными погонами на плечах, умели искусстно оттенить все скудоумие курсанта, у которого еще весьма слабы жизненные познания.

На военной кафедре самой популярной была тема таинственности и гражданской бдительности. «Болтун - находка для шпиона!» - не пустые слова. Вот мы и писали данные о танке «Т-55», в прошитых суровыми нитками конспектах, и по окончании занятий сдавали их на хранение в секретную часть. Здесь следует отметить, что те засекреченные данные, которые

мы заносили в свои коленкоровые тетради, на Западе знал любой мало-мальски любопытный мальчишка. Излишне говорить, что предложи я эту информацию таким организациям, как ЦРУ, МОССАД, МИ-9 и Абвер III-го Рейха, - мне бы просто и беззлобно набили бы морду. За издевательство. Ведь существует аксиома: «То, что сегодня секретно в СССР, было известно на западе еще вчера.» Нас же, запуганных студентиков, за малейшее разглашение этих псевдогосударственных тайн, - обещали драть, как сухую муху. Так что, изучаемый нами танк «Т-55», оставался таким же таинственным и непроницаемым, как и головы нашего генералитета.

Отцы- командиры, помимо выпивки, любили еще и хорошую шутку. Причем, повторяли свои приколы многократно, что бы тупые курсанты навсегда усвоили суровый армейский юмор. Например, читающий нам предмет «тактика боя», преподаватель-майор Н. (который родился в городе Н., служил в Н-ской части, стрелял только по целям Н. и был женат на гражданке Н.) ежегодно, с завидным постоянством, давал такое определение профессии танкиста: «Танкист -это такой военный, который должен зажать в кулак большой гвоздь, прислонить его к башне и забить его в броню лбом. Ха-ха! Но и это еще не все. Бывает, что гвоздь не лезет, - это означает одно из двух: или изнутри башни к броне прислонился головой механик-водитель или гвоздь повернут шляпкой наоборот. Ха-ха-ха!»

После сказанного командиром «Ха-ха-ха!», весь взвод, согласно уставу, должен был захлебываться от смеха.

Как- то раз, я наблюдал очень даже занятную картинку. Дело было так. Командир взвода послал меня в преподавательскую за каким-то наглядным пособием. Дверь в кабинет, находилась в чуть приоткрытом состоянии, и я, слегка постучав, вошел.

Увлеченный каким-то занятием, комсостав даже не заметил моего появления. Офицеры, склонившись над столом, что-то выкрикивали и возбужденно черкали на планшете цветными карандашами. Их лица излучали такое одухотворение, что даже покрылись капельками пота.

Я тихонько подкрался и осторожно заглянул поверх их спин. То, что я увидел, поразило меня своей законченностью, совершенством и изящностью! Это была карта славного города Днепропетровска. Но великолепие заключалось не в этом, а в нанесенном на нее плане расположения пивных баров. Причем, все было сделано в лучших традициях советской военной картографии. Каждое заведение имело свой символ, характеризующий тактико-стратегические данные (бочка с пивом, павильон со стойками или пивной ресторан). Цветность

обозначала качественные характеристики (например, красный цвет наносился на приличные заведения). Везде стояли каллиграфически исполненные надписи о наименованиях, данных этой точке народом. В общем, все было так мило, что я не выдержал и попросил перефотографировать этот документ… У офицеров сделались лица, как у людей с размаху севших на свои собственные яйца. Меня изгнали из преподавательской, предварительно громогласно обматерив.

А, действительно, иж чего захотел, - секретную карту ему подавай! Совсем оборзел!

* * *

И все же продолжим военную тематику нашего доклада. Но мне ли конкурировать, в способах обливания нечистотами, с такими гигантами эфира, как «Голос Америки», «Немецкая волна» и «Свободная Европа»! Зачем зря пинать воздух? Я расскажу в двух эпизодах (хм, мыслю категориями С. Спилберга) о находчивости и смекалистости командиров Красной Армии, и еще о том, что ничто человеческое им не чуждо.

ЭПИЗОД 1. Лето 1986 года выдалось подозрительно жарким. Температура воздуха стояла на отметке +32оС, стрелка влажности указывала на слово «низкая», а пыльные бури стали обычным явлением. Мужская половина ДМетИ была отправлена в летние лагеря под Кривой Рог, что бы на деле доказать обоснованность своих претензий на офицерский чин. Жили в палатках, по 10 человек в каждой. Местность вокруг нашего табора, представляла собой унылый пейзаж степи, с изобилием унылых сусликов, и унылых пчел, которые в свою очередь уныло оплодотворяли чахлые полевые цветочки.

По близости, находилась артелерийская часть, жизнерадостный командир которой обожал ночные стрельбы, и студентам частенько приходилось засыпать под грохот канонады. Кормили сносно (по-видимому, стратегическими запасами 50-х годов), и когда нам после принятия воинской присяги выдали по паре праздничных яиц, то после удаления скорлупы они приняли такой интенсивно-сливовый вид, - как будто бы их прищемили дверью и долго содержали в таком состоянии. Иногда, наш суровый рацион разнообразили субботние приезды «Автолавки». Наглая торговля спихивала нам такие «деликатесы», на которые в обычной жизни я, в лучшем случае, не обращал внимания.

Например, целлофановые пакетики с шариками конфет, типа «драже». Этими, с позволения сказать, конфетками можно было смело заряжать бетонобойные снаряды. Или же непонятного срока годности лимонады, в которых осадок уже давно превратился в камень. Но здесь, хоть у работников автомагазина хватило мужества оборвать этикетки с бутылок. Справедливости ради, отмечу, что лишь печенье было наисвежайшим. Я, в мгновение ока, умолотил три пачки, запив все это литром колодезной воды. Рядом на солнышке грелся Игорек К., который слопал четыре пачки, но и это, говорят, не предел человеческих возможностей. Но ладно, хватит о кулинарии, перейдем к прозе жизни.

С моим именем связано одно, самое значительное, происшествие на тех памятных сборах. Я тогда нанес ощутимый урон Красной Армии. Это произошло на полигоне, где мы должны были накатать на танке определенное количество времени. Для этой цели нам выделили два «Т-72» и две зенитные самоходки на базе ходовой части «Т-55». Надо отметить, что первые две боевые машины отличались от вторых, как жопа от пальца. Танк «Т-72» - отличная штучка! Я просто поражаюсь, как Хусейн имея их на вооружении, не раздолбал в пух и прах жиденькие американские танкетки? Эх, ему бы еще в помощь наших танкистов и тогда посмотрели бы, что марка «сделано еще в СССР» не такая уж хреновая. Стоп! Хватит выдавать военные тайны.

Итак, я залез в танк (мне выпал «Т-72») и получил задание: объехать круг радиусом три километра и затормозить у, вкопанного в землю, полосатого столбика. Причем, оценка ставилось за вот эту самую «заторможенность», т.е. если ты останавливал машину на уровне столба, - получал «отлично»; если пересекал границу на расстояние до 1 метра - «хорошо»; ну, а если больше, чем полкорпуса танка, получи «удава»; за наезд же на столбик, - прилетал «неуд».

Вы когда- нибудь прыгали с парашютом? Нет? Тогда Вам сложно понять человека, который разогнал махину весом 37 тонн до скорости 60 км/ч. Я мчался и пел, как люксембургский соловей, мне было хорошо от чувства собственной значимости. Да-а-а! Сильный перец, когда красный.

Настроение было о'кей. Ну думаю, сейчас, как ковбой из рекламы «Мальборо», резко заторможу своего бронированного коня у метки, означающей оценку «отлично». Почти так все и вышло: я лихо подкатил к финишу, резко дал по тормозам и перевел рукоятку скорости в нейтральное положение. Вот тут-то и подстерег меня конфуз! Скорость-то я сбросил, но рычаг установил не на «нейтралку», а не метку «1». И как только была

отпущена педаль, танк рванулся, и всей своей массой врезался в бок щупленькой зенитной установки. Настала щемящая душу тишина, которая хуже любой бомбежки. 5,4,3,2,1 - Пуск!!! Пошла первая! Через десять секунд мои наушники буквально распирало от отборного мата. Слышались такие обещания, что я уже стал подумывать, - а не закрыть ли мне люк и не дать ли на полном газу в сторону румынской границы?! В перископе замаячила озлобленная рожа майора Н., с неправдоподобно выпученными глазами. Хм, однако…

Когда же я, наконец, решился выползти из люка, на мою голову, горной лавиной, обрушился мутный поток словоизлияний. Майор Н. очень переживал за боевую технику, а что до физической целостности студентов, - ему было по-х…й. Он, как полоумный носился вокруг танков, прижимался к еще теплым бортам щекой и стонал, цокая языком, подсчитывая повреждения. Такое бережное отношение к вверенному имуществу характерно для всей Советской Армии. То, что человек мог получить травму или ранение абсолютно не принималось в расчет, а главное, как говорит старшина: «…вы ребята, при ядерном взрыве, держите автомат на вытянутых руках, что бы когда он начнет плавиться, раскаленный металл не капал на казенные сапоги…»

Очень интересную, краткую и поучительную историю, по этому поводу, рассказал мне один человек, прослуживший полтора года в Афганистане сапером: «После разминирования одного из тайников душманов, среди оружия, гранат и прочего хлама, были обнаружены две установки «стингер». Тогда, в 1983 году, они еще были в диковинку. Первую ракету забрал, приехавший из штаба дивизии, особист. А вторую, любопытства ради, командир саперного подразделения приказал разобрать солдатам. «-Только - говорит он, - отойдите-ка метров на 200 от складов, а то как бы чего не вышло!»

Вот так и живем, - строим заводы, возводим домны, делаем ядерные боеголовки, сливаем в реки химические отходы. Все, что можно - сожрали, и где только можно - обосрали. И все это ради сиюминутной выгоды, ради культа вещей, ради личных амбиций. Не общество, а театр абсурда! Эх, вот так еще попишу немного и затмлю своей диалектикой, мысль таких замечательных товарищей, как Карл Маркс, Фридрих Энгельс и первопечатник Иван Федоров.

Кстати, если вас интересует итог той истории, когда я мановением руки развалил два танка, то он прост, - меня послали работать на кухню. А уж там я устроился круто. У меня в подчинении находились два походных котла, в которых грелась

вода для помывки столовых принадлежностей нашей доблестной дивизии. Сложность и ответственность этой работы заключалась в следующем: в лагере находилось около пятисот человек, а воды (даже при самой суровой норме отпуска) едва хватало, что бы слегка прополоскать триста котелков. Зрелище «Обмыв посуды» было шикарным, - я стою на подножке и огромным черпаком разливаю кипяток, и с умилением гляжу на стриженые головы и утомленные тела. До чего же, все они напоминали мне германских ребятишек из весны 1945 года…

Я уже было совсем расслабился и думал, что вот так на «шару» проволыню до конца военных сборов. Однако, рановато мы сбросили со счетов изощренное коварство наших отцов-командиров… Сигнал «общий сбор» прозвучал неожиданно. Но, казалось, общее построение не предвещало ничего плохого и необычного.

Итак, построив взвода, командование предложило нам (так сказать напоследок, на посошок) прогуляться на полигон и посмотреть, как танки форсируют водные преграды. Ничего не подозревающие студенты, искренне обрадовались грядущему (и видимо последнему) армейскому развлечению.

Ладно! Собрались, пошли. Кругом унылая выгоревшая степь. Последний дождь выпал три месяца назад. Солнце в зените, температура + 37 С. Такое имущество, как фляжки, мы уже сдали интенданту. Триста пар сапог монотонно поднимают с поверхности Земли тонны пыли. Буйно цветет амброзия.

Идем час, идем второй, наконец на исходе третьего часа, на горизонте появляется какая-то лужа. Возле этого водоема находились: автомобиль УАЗик (офицеры приехали на нем ранее), палатка (в ней командиры отдыхали и пили водку), два танка Т-55 и большое корыто.

Здесь- то и выясняется, что топливные баки боевых машин пусты. Нонсенс! Однако, требуется держать марку. И подполковник Н., не мудрствуя лукаво, приказывает курсантам быстренько наполнить корыто с водой. А сам, тем временем, скрывается с группой офицеров в палатке, где под звон стаканов у них созревает гениальный план.

Взбудораженный этой затеей подполковник, как комета Галлея, вылетел из брезентового помещения. Почему, как комета? Да потому, что за ним тянулся тяжелый шлейф запахов, в котором доминировали курево и перегар.

Он выбрал из строя трех человек, приказал им стать возле корыта с водой и громко рычать, то бишь имитировать натужный рев танковых двигателей. Затем подполковник достал из кармана коробок, вставил в него спичку (изображающею ствол 122 мм

пушки), и показал свое изделие строю. Оп-па! Командир, засучив рукава, стал елозить по дну корыта спичечным коробком, показывая - как же все-таки форсируются водные преграды. Ему создавали антураж завывание трех “двигателей”.

Пронаблюдав эту пантомиму в течение 5 минут, мы получили приказ двигаться обратно. Топча сапогами землю в направлении военного лагеря, я почему-то мысленно материл германского кайзера Вильгельма II. Впрочем, где-то посередине караванного пути, мысль стала обретать философские оттенки и формы. Мне начали нравиться простые вещи - например, ведро воды…

Но самое интересное, ждало нас впереди. Вся суть «вражеского» замысла стала понятно тогда, когда возвратясь на базу триста обезвоженных тел ринулись пить воду к двум бронзовым краникам, диаметром полдюйма…

ЭПИЗОД 2. Служба потихоньку двигалась, дембель маячил на горизонте. И когда трубач, в одно прекрасное утро, вместо сигнала «подъем» сыграл мелодию «семь сорок», я понял, что нашим мытарствам пришел пиз…ц.

Взвода повели на завтрак, затем пересчитали и стройными шеренгами погнали на вокзал. Настроение было такое, как будто сходил «по-большому» после семидневного запора. Находясь на ж/д вокзале города Кривой Рог, толпа зеленых и стриженных мужиков, с необыкновенным любопытством рассматривала шныряющих, то тут, то там женщин (некоторые студенты впоследствии жаловались, что их привлекали даже старушки). В головах витали такие мысли и желания, что пусти в них пресловутого римского императора Калигулу, то он жался бы там по темным углам и краснел, как первоклассник.

Как я уже говорил раньше, что Томаш не был бы самим собой, если б не придумал к моему возвращению из рядов СА какого-нибудь прикола. Не проминул он и эту возможность…

Электричка причалила в г. Днепропетровске. Нас стали разгружать повзводно и выводить на привокзальную площадь. Но я еще из окна вагона увидел, что проходя под аркой, ребята спотыкались, крутили головами, ломали строй, выпячивали грудь, чеканили шаг, - в общем вели себя напряженно. Все объяснилось тогда, когда я лично подгреб к этому странному месту. Ха-а-а! Там стояли Томаш с Мариной, нашей давнишней знакомой из госуниверситета. О, все выглядело эффектно! Она была одета в белоснежную майку (слегка прикрывающую грудь) и в легкие облегающие шелковые шорты. Плюс ко всему, девчонка была в полной боевой раскраске. Короче говоря, при ее плавных телодвижениях sex вываливался отовсюду. Со стороны зеленой массы стали доноситься звуки похожие на клацанье счетчика

Гейгера, - это лопались резинки на трусах у легковозбудимых личностей.

«- Ура-а-а-а! Яша вернулся с фронта!» -радостно завопили мои друзья и стали кидаться букетами лютиков. Затем они выдернули меня из колонны и, под завистливые взгляды толпы, стали шумно со мной обниматься. Но, оказывается, война еще не закончилась и полковник Н. пока еще не отдал приказ о демобилизации. Поэтому меня вернули в строй и вперли выговор «за неприличное поведение». Делая это взыскание, командир свирепо вращал своим роговым отсеком, а сам, змеюка, все косил одним глазом на стройные загорелые девичьи ножки…

Однако не всем, так тяжело как мне, доставались маленькие лейтенантские звездочки. Некоторые, очень мудрые студенты, сразу же по прибытии в летние лагеря подхватывали дизентерию. Ага, конечно! Разве можно после домашней курочки, борща и фаршированной рыбы, резко садиться на пшенку и концентратный кисель? Плюс ко всему, надо вставать в 6 утра, делать физо и потеть на учениях весь день, как медный чайник. От таких жизненных перемен начинает бурлить желудок и варить голова. И вот уже у медпункта выстраивается километровая очередь с кулечками в руках. В каждом из этих пакетиков находятся личные экскременты пострадавших. Их говно, для тщательного изучения, требовал фельдшер. После этой процедуры приезжал белый автобус и увозил «больных» в госпиталь г. Кривой Рог. Пронюхав, что таким образом можно отлынить от службы, студенты с вечера занимали очередь к полковому эскулапу. «Деза», как из пулемета косила наши ряды! Все это продолжалось до тех пор пока, наконец, наши командиры не сообразили, что к чему, и стали применять адекватные меры.

Однажды утром, они выстроили очередную партию косящих под дезуху, вручили им в руки топоры, лопаты, моток колючей проволоки и пару палаток. До обеда была вырыта яма 1,5 х 1,5 м («сральня» - как афоризмично выразился майор Н.), вбиты в землю колья, натянута колючка, установлены палатки и вывешена табличка «КАРАНТИН». Вход и выход, а также общение с жителями этой импровизированной врачебной зоны были строго запрещены. Больным приказали: есть в больших количествах перловую кашу (для сгущения кала), пить кипяченую воду и испражняться, свисая очком над ямой, чтобы дежурный офицер имел возможность контролировать улучшение анализов. Надо сказать, что меры имели успех, - количество заболеваний снизилось почти до нулевого процента. Все же это хорошо, - учиться и быть учимыми.

Завершу писание этой главы любопытными статистическими

данными:

1. За два месяца я похудел на 8 кГ.

2. По приезду в общагу, сразу после окончания сборов, проспал 20 часов.

3. И так жрать было охота, что рыгать хотелось.

ПРАКТИКИ И ДИПЛОМИРОВАНИЕ.

Благодаря производственным практикам, я побывал почти на всех крупных металлургических гигантах Украины. «Южмаш», «Петровка», «Криворожсталь», «Азовсталь», «Запорожсталь» и т.п. и т.д. Для студентов ПТЭ, это не пустые слова. Уж мы вволю понюхали аромата кокса и попрыгали через огненные реки металла. Все предприятия, где мы практиковались, объединяло одно, - студенты там никого не интересовали и, как таковые, были просто не нужны. Помниться мне, на «Криворожстали», мы сами позаписывали друг другу в табелях отзывы о практике, поставили оценки, расписались и, заверив весь этот бардак печатью заводской библиотеки (благо, она была кругла и неразборчива, а также лежала без присмотра), спихнули наше творчество преподавателю **Ж** . Доцент проницательно улыбался, но правила игры принимал, - ведь сам когда-то был студентом.

После второго курса у нас была практика на рабочих местах. Я, Том, Валера **С** ., Вова и Серега **К** . попали работать на Приднепровскую ГРЭС. Зачислили нас в бригаду рештовщиков и два месяца мы устанавливали леса для ремонта котлов. Что и говорить, изначально нас обьебывали, как хотели - и КТУ (коэффициент трудового участия) ставили маленькое, и разряд присвоили низкий, и недодавали талоны на молоко. По всей видимости, наши молочные продукты поглощал мастер Черный, и они уже ввиде сала оседали на его ненасытном чреве. Все эти безобразия продолжались до тех пор, пока Томаш в порыве откровения, пообещал «надавать п…дюлей», работающим с нами четверым слесарюгам. В ответ, эти мужички долго о чем-то совещались с мастером и, как результат, проблема с КТУ и молоком отпала. Но горечь осталась и по окончании практики Томашвили внес предложение - прибить рабочие каски гвоздями к дощатому полу, а я - приклеить намертво к столу эпоксидным клеем домино, которым работяги игрались в обеденное время. Но потихоньку все нормализовалось, мы втянулись в процесс производства и мучило лишь одно, - все время очень хотелось спать. Лето, охота погулять, и попробуй-ка ложиться в 2 часа ночи, а уже в 5 утра ехать на работу. Я как-то не очень могу спать без определенного комфорта. А вот Сереге Томашвили вся эта комфортабельность была до одного места, - он мог спать повиснув на поручни в автобусе; он спал в мастерской на листе шифера, подложив под голову огнеупорный кирпич; и однажды, я застал его спящим на куче металлолома. Как объяснить этот феномен? Что это, - или крепкие нервы или связь с космосом? Не

знаю…

Девять человек из групп ПТЭ направили на преддипломную практику в г. Жданов на комбинат «Азовсталь». Надо отметить, что Жданов (он же Мариуполь) весьма дымное место, где из водопроводных кранов течет мутная, ракушечного вкуса жидкость. С такими же мутными глазами нас встретили и на предприятии. Выделенный руководством завода куратор устало вздыхал, и его печальные ближневосточные глаза, как бы говорили нам: «А не пошли бы вы на х…, ребятки!» Он распределил, прибывших студентов ДМетИ, по производственным участкам, где нам и предполагалось собирать информацию. С тех пор, мы его больше не видели. Лично меня интересовали вопросы, связанные с «Усовершенствованием системы утилизации ВЭР методических печей стана 3600 металлургического комбината «АЗОВСТАЛЬ» (тема моего диплома).

Как я уже говорил выше, нами откровенно никто не хотел заниматься, брезговали возиться с такой мелюзгой. Польщенные таким радушным приемом, я и Виталий, плюнули на эту практику и поехали обратно в Днепропетровск. Добирались через Донецк. И так как, между поездами, у нас имелся некоторый промежуток времени, - решили сходить в привокзальный ресторан. В меню значилось три блюда: солянка, бефстроганов и шампанское. Но, отнюдь, не хлебосольность заведения больше всего поразила нас. А то, что вокруг сидели мужчины с накрашенными глазами.

«Педики, - шипел мне на ухо Виталик, - много педиков, конгресс педиков. Гамбург. Надо бежать отсюда!»

«Не создавай мнение, - отвечал я, - давай кушать, пока к нам не пристают. Может они пассивные гомосексуалы?

«Посмотри на их морды, - парировал он, - они дрючат все, что шевелится…»

К нашему столику подошла официантка, девушка сильная задним числом. Уследив, какими свирепыми взглядами долбили клиенты ее прелести, я засомневался в чистоте их сексуальной ориентации. Заказав бефстроганов и шампанское, мы осторожно спросили официантку: «Девушка, а почему у вас в Донецке мужики глаза красят?»

«Ха- ха-ха! -залилась она задорным комсомольским смехом, - это же знатные шахтеры, у них угольная пыль в глазные веки намертво въелась. А вы, наверно, подумали, что они «голубые»? Ха-ха-ха!»

За соседними столиками нас услышали, и широкие шахтерские длани стали сжиматься в костлявые кулаки. И вот теперь-то пришло время линять. И не просто линять, а бежать так, что аж пятки к жопе подлипали!

Итак, практика продолжалась. И мне, как доктору Рихарду Зорге, пришлось по крупицам собирать интересуемые данные. Скажем так, на преддипломной практике мне повезло два раза. Первый, - когда я, идя по мрачным коридорам заводоуправления «АЗОВСТАЛИ», вдруг заметил стенд, с чертежами печей и картами технологических процессов. Моментально был взломан замочек, открыты стеклянные дверцы и совершено хищение этих схем, в пользу Иванова Я.А. И второй, - когда в институте, в качестве образца, был выставлен диплом с точно такой же темой, как и у меня. Казалось бы, не поленись, пойди и спиши все один к одному, и через пару недель дипломная работа, по существу, была бы окончена. Ан нет, тянул до последнего, все думал, что времени целый вагон и многое еще впереди. Какой же меня ожидал подвох, когда, наконец-то, собравшись с силами, я приперся в библиотеку и… не обнаружил там искомого документа. Меня чуть не хватил удар, после того, как библиотекарь объяснил мне, что диплом-образец выставлялся всего-то на несколько недель и уже сдан в архив.

Я лихорадочно ринулся собирать до кучи то, что слямзил в г. Жданове. По ГОСТу требовалось, что бы в пояснительной записке было от 30-ти и более листов, а также предоставлено не менее десятка чертежей. У меня, как не верти, выходило листов эдак 17-ть и чертежей штук 7 (мне их помогал чертить отец, инженер-механик, закончивший вместе с мамой ЛИВТ).

И как только я не мудрил с пояснительной запиской, - и буквы писал огромными, как степные курганы; и предложения располагал через две строки; и абзацы развозил на полстаницы. Но все равно, если даже пронумеровать обложку, необходимых тридцати листов не набиралось (хоть пустые страницы вставляй). Маялся, маялся, а потом говорю себе: «Яша, не гони ишаков - они устали! Ты ведь помнишь мудрый совет Абдуллы, - возьми ручку и пронумеруй все, как тебе надо!» Я так и сделал, справедливо рассудив, что никто не обратит внимания на то, почему же после седьмой страницы идет девятая и т.д. Однако, после того, как в переплетной мастерской мой дипломный проект одели в твердую обложку, у меня появились сомнения. Мое произведение выглядело по массивности и солидности почти также, как журнал тинэйджеров «Мурзилка».

Окинув беглым взглядом диплом и заглянув в тубус с чертежами, мой куратор Бронислава Иосифовна послала меня к рецензенту. Он оказался пожилым евреем. Видимо, все его родственники свалили в Израиль, т.к. непритязательное убранство, принадлежащих ему шикарных трехкомнатных апартаментов, состояло из раскладушки и кассетника «SONY».

Если мне не изменяет память (а она таки может изменять!»), рецензента звали Абрамыч. Он меркантильно чмокал губами, взвешивая одной рукой мой диплом, и наверно мысленно сравнивал его массу с весом рулона туалетной бумаги. В ответ на этот демарш, я с укоризной посмотрел на Абрамыча. Из глубины моих честных и неподкупных глаз, люминофором высвечивалась фраза: «Краткость - мать таланта!» Рецензент, насупив брови так, что они почти залезли на переносицу, и конкретно внедрил свое лицо в глубокомысленные изыскания моей дипломной работы. Полистав ее Абрамыч сказал, что ему надо уединиться, чтобы прийти в себя. А мне предложил встретиться на следующий день… Назавтра, я забрал диплом с отличной рецензией и решил, что пришло время идти на защиту. И так как, до этого события, впереди у меня было десять суток, то я основательно отлежался на песчаном берегу Днепра, а именно на «Косе». «Коса» - это пляж, где в основном отдыхали студенты ДМетИ и ДГУ. Мы с Серегой Томашвили начинали ходить загорать туда, сразу же после окончания ледохода.

Я отдыхаю на берегу реки, мне тепло и бездумно. Глаза блаженно закрыты, загораю. Чую, как спина выделяет пигмент. Но, иногда, я поднимаю веки и наблюдаю картинки пляжной жизни:

…Вокруг отдыхающих бегают стаи породистых собак. Зверюги гавкают, гадят и моются там же, где и люди. Но попробуй-ка сделать замечание - хозяева закусают!

…Наступила эра утрированных купальников: верх напрочь отбрасывается, а низ представляет собой две сдобных булки, между которыми протянута веревочка, слегка расширяющаяся спереди. Девчонки мы вас любим!

…А вот некоторые, сильно подвыпившие особи мужского пола, щеголяют в изумительной разноцветности трусищах, (фасона «От и до»).

…Все отдыхающие пытаются ходить с втянутыми животами. Но картофельно-макаронная диета (которую мы исповедовали всю прошедшую зиму) не позволяет квалифицировано исполнить вышеозначенный трюк.

…Молодняк пыжится, курит и матерится. Причем, независимо от пола. Они воображают себя взрослыми, но пьянеют лишь только понюхав пробку от пивной бутылки.

…Одинокие дамочки. Возраст - бальзаковский. Купальник на бедрах. Мощные окорочка. Что-то не очень хочется! Хотя, некоторым нравится. Вон, вижу крадется один! Ну что ж, - по рыбе и наживка.

…Мечутся озорные детишки. И кажется, что они специально

обсыпают меня песком и брызгаются холодной водой, но возмущаться бесполезно. Да и незачем - ведь пляж без детей, это пустыня.

…Компашки молодых людей азартно играют в волейбол. Ребята стараются обязательно попасть мячом в загорелую девушку. А та так аппетитно подпрыгивает, что, кажется, вот-вот и все сексы вывалятся наружу. От этих девчоночьих выкрутасов у некоторых хлопцев начинает шевелиться «основной инстинкт»!

Ну, все хватит! Переворачиваюсь на спину, ложу под голову конспект по химии и начинаю любоваться бесконечно-синим небом и перистыми облаками. Лето. Пляж. Хорошо!

* * *

И вот настал, тот долгожданный июньский день 1987 года, когда Иванов Я.А. предстал перед очами дипломной комиссии. Во главе этой колонны шел зав. кафедрой ПТЭ, профессор Юрий Иосифович. Он представлял из себя светского льва, с изысканными манерами и величавой твердостью в голосе. Я весьма уважаю этого человека за его профессионализм и удивительную доброжелательность.

Из всех, представленных на защиту чертежей, наибольшей популярностью пользовалось, раскрашенное в яркие цвета, изображение поста управления котлом (а я, честно говоря, делал ставку на монументальный рисунок самого котла). Размалеванный же, как проститутка, пост я нагло выдал за последние изыскания японских ученых, - о, якобы, благотворном влиянии на производительность труда, именно, этой цветовой гаммы. Причем, я уверенно призывал в авторитетные свидетели такие научно-популярные издания, как «Morning star» «Times».

Да- а-а! Это был тонко продуманный маневр. На фоне грифельно-затертых чертежей, мой рисунок выглядел на миллион тугриков, и все время привлекал взоры комиссии, отвлекая их от всего остального. Некоторые из преподавателей пытались издеваться, называя мое субъективное виденье поста управления - то «макрамэ», то «экибана». Но это показывало лишь их низкий уровень в знании японского языка и совершенное профанство в области передовой японской научной мысли.

Близилось время обеда, члены государственной комиссии нетерпеливо ерзались, в предвкушении насыщения своих желудков. А так как я «сдавался» последним, то на меня почти не

обращали внимания. Я их понимал - это очень сложно, выслушать двенадцать дипломов за четыре часа…

С В Е Р Ш И Л О С Ь!

Вечером я направил своим родителям телеграмму следующего содержания: **«Можете поздравить, ваш сын инженер! Целую. Яша.»**

На этом можно было бы и закончить писание мемуаров, но на прощание хочется нацарапать еще пятьдесят строк.

В стенах нашего института обитало великое множество «конкретных личностей». Когда я только начинал сочинять эту книжку, то у меня были радужные планы написать про все и обо всех. Но вот теперь, по истечении времени и чернил, ко мне пришел облом. Творю эти бессмертные строки уже через силу. Рука так и тянется вывести заключительную фразу: «До свидания!» Но все же, я не могу закончить эти мемуары не рассказав еще одну поучительную историю: Было это летом. 12 часов вечера. Я и Томаш сидим у открытого окна, любуемся звездами, пьем чай и вдыхаем запахи магнолий. Неожиданно внизу раздается нежное бренчание гитары и кто-то плохопоставленным голосом начинает петь песни, в которых слова «жопа, х…, бл…дь, сука» (и их словосочетания), основательно превалировали над прочим «богатством, величием и могуществом» русского языка. Мы, из любопытства, выглянули во двор, так и есть - Вовочка.

О! Сейчас расскажу о Вове. Он, в общем-то по жизни нормальный чувак. Но бывало, когда дул сильный южный ветер у Владимира, иногда, срывало крышу. И тогда Володю начинали беспокоить два момента жизни. Первый, - это решение в уме сложных математических интегралов. И второй, - это пение под гитару песен неприличного содержания. Он знал их великое множество. Но бывало, когда Вольдемар забывал какое-нибудь слово в куплете, то не сильно переживая по этому поводу, вставлял на пустое место матюги. Получалось не то что бы красиво, но оригинально и авангардно. И вот, когда на него находило вдохновение попеть, то уж гитару у Вовика было не отнять (до тех пор, пока он не уставал). А Вовочка, как двужильный, мог продолжать свою гастроль часа три. И если, не дай Бог, кто-нибудь из невольных слушателей, выражая свое удовольствие хлопал и подзадоривал его, то Вова краснел, входил в раж и начинал реветь, как Ниагара. Вот такой оргазм и настал у него в ту ночь. В большей половине окон общаги загорелся свет. Пьяные компании с пятого этажа (там жило ПО) обрадовались бесплатному развлечению, и подбадривая Вовика кидали ему мелочь. Другая же часть жильцов (т.н. благопристойные), пытаясь

избавиться от этого полуночного буйства, метали в певца бутылки и старались облить его ведром воды. Но было уже поздно! Найдя своих слушателей бард уже не тормозился.

А в это время, одинокие такси старались, как можно быстрее прошмыгнуть мимо темной арки общежития N 5 ДМетИ. И было чего бояться этим крутым парням-таксистам и, до синевы в пятках, давить на педаль газа. Из мрачного проема, усиленные резонансом, доносились шумы, сравнимые лишь со звуковым сопровождением к секс-фильму «Насилие слона над носорогом в тени баобаба, и при изобилии кусачих (до опупения!) африканских мух цеце».

Не знаю, кому как, а нам нравилось наблюдать сей концерт. Ха! Советский цирк - циркее всех цирков! Ведь в жизни так мало развлечений. Особенно на шару…

А пока, обеспокоенная общественность стала предпринимать ответные меры. Первым делом поднялись цепи красногвардейцев, студсоветов и просто желающих, а впереди на белом броневике Она, - комендантша. Но, увы, все попытки отнять у Вовочки инструмент заканчивались неудачей. Певец отбивался гитарой от официальных лиц похлеще, чем Виктор Хара от Пиночета.

«- Чтож ты делаешь, сучья морда? Орешь под гитару матюги в час ночи! Иди спать, покуда харю не набили!» -вот так тактично увещевали Вову.

На что полуночный бард ответил им: «Вот же бычье неорганизованное! Ну не понимают люди, что я пою серенаду своей возлюбленной!»

Однако после этого, Владимир успокоился и пошел допевать второе отделение концерта к себе в комнату. В чем поучительность этой истории, спросите вы? **Да в том, что необходимо соблюдать правили социалистического общежития после 23 часов вечера!**

На том и привет!

Иванов Я.А. (доктор философии, лечащий)

Июль 1993г.

This file was created

with BookDesigner program

bookdesigner@the-ebook.org

08.01.2009